

18+

ЮЛИЯ ЧЕСНОКОВА

Усобица триумвирата

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ЛЮБИМАЯ КНЯГИНЯ

Юлия Чеснокова

**Усобица триумvirата. Часть
первая. Любимая княгиня**

«Издательские решения»

Чеснокова Ю.

Усобица триумвирата. Часть первая. Любимая княгиня /
Ю. Чеснокова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-623400-0

После смерти Ярослава Мудрого власть достаётся пяти его сыновьям, которые поначалу правят Русью дружно и совместно. Но появляется их дальний родич и соперник — Всеслав Чародей, князь Полоцкий. И между братьями зарождается вражда...

ISBN 978-5-00-623400-0

© Чеснокова Ю.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. «Смерть Ярослава»	6
Глава вторая. «Наследство Ярослава»	13
Глава третья. «Гость»	19
Глава четвертая. «Евнух»	25
Глава пятая. «Пир»	31
Глава шестая. «Охота»	39
Глава седьмая. «Язычники»	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Усобица триумvirата

Часть первая. Любимая княгиня

Юлия Чеснокова

© Юлия Чеснокова, 2024

ISBN 978-5-0062-3400-0 (т. 1)

ISBN 978-5-0062-3401-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Преподавая историю России, я часто замечала, что труднее всего в истории нашей древности даётся ученикам период феодальной раздробленности. После смерти Ярослава Мудрого, когда стали множиться его потомки, и Киевская Русь расползлась сначала на несколько, а потом, к татаро-монгольскому нашествию, примерно на 250 княжеств, историю учить настолько сложно, что многие предпочитают поверхностно запомнить самое главное, и поскорее пройти дальше. Колоссальное количество имён, событий и названий, естественно, пугает. Но ведь не только сложен и запутан был тот период, но и безумно интересен. Он не уступил бы в своих интригах, сражениях и драмах ни «Песни Льда и Пламени», ни каким-либо другим увлекательным сагам.

Этот опыт натолкнул меня на мысль, что можно было бы попытаться преподнести те давние времена как-то иначе, добавить немного магии, современной подачи, и показать нынешнему читателю, будь то любитель или новичок, что XI – XIV века не были сумбурными, хаотично-беспорядочными и скучными. Напротив! Конечно, я не претендую на строгую научность, как и всякий романист, я привношу много своего, где-то могу исказить факты на благо сюжета, а где-то, никто не застрахован, ошибиться непреднамеренно. Тем более, о многих происшествиях домонгольской Руси сведения противоречивы, и позволяют себя вольно интерпретировать (особая путаница в жёнах и детях, которых постоянно приписывают разным князьям), чем я и воспользуюсь, однако, на фрагменты собственной выдумки я буду указывать в сносках, как и на другие непонятные моменты.

Что ж, буду надеяться, что этот труд, за который я решила взяться, проводя подробное исследование тех времён, пробудит у читателя любовь к истории и увлечёт в её изучение. А если нет, то просто позволит насладиться чтением этой книги!

Глава первая. «Смерть Ярослава»

1054 г. Вышгород.¹

Февраль разгулялся метелью, зимние холода явно не надумывали уходить, загостились на Днепре. Широкая река, покрывшись толстым слоем снега, была похожа на просторное поле. Замело все следы, если какие и были. Да только кому и куда было отправляться? Всё замерло от неумолимо приближающейся смерти Ярослава, умирающего в своей опочивальне. Уже давно он хворал и почти никуда не выходил, а недавно стало ясно, что жизнь покидает его окончательно. Домашние тихо сидели по углам, а челядь незаметно, стараясь не тревожить мрачные думы княжеской семьи, сновала в своих обычных заботах. Единственный гонец был послан ещё несколько дней назад к Святославу, второму по старшинству Ярославичу, чтобы приехал проститься с отцом, поскольку все понимали – час смерти вот-вот настанет.

В княжеских хоромах, поправляя воротник рубахи, будто не знал, чем ещё занять руки, сидел на лавке князь Изяслав. Противоречивые мысли носились в его голове. С одной стороны, хотелось, наконец, стать главным, старшим над всеми, повелевать братьями и больше не быть подотчётным отцу, чтоб перестали ему тыкать, как жить да вести себя. А с другой – не чувствовал он готовности к этому месту, боялся, что может начаться борьба, очередная усобица, и он будет в самом центре – главным бельмом на глазу всем. Ведь пять сыновей у Ярослава остаётся, у каждого будут свои силы, притязания, сторонники. Не было опыта у Изяслава, которому исполнилось тридцать лет, не готовился он к великому княжению. Если бы два года назад не скончался первый наследник отца, не пережив его, не видать бы Изяславу этого положения, а так появилась у него возможность захватить манящий престол, на что прежде он не мог и надеяться. Да не захватить даже, а просто взять упавшее в руки. Не было в прежние дни амбиций, жажды власти, а тут – удача! И лёгкость, с которой всё само стелется, переменяла Изяслава. Он задумался, засомневался. Видел, как смотрят на него бояре, как братья поглядывают; все делались почтительнее, и это не могло не пробудить желания отозваться, взять предначертанное судьбой и пользоваться этим. С отцом уже было всё обговорено, тот прилюдно одобрил старшинство Изяслава, признал его приемником, другим сыновьям наказал его слушаться, всем им велел не ругаться меж собой и не воевать за власть, а мирно, по очереди, как положено, перенимать друг у друга её, если что приключится.

В горницу, отвлекая Изяслава от мятущихся рассуждений, вошла его жена.

– Что спать не идёшь, любезный князь? – Словно в отместку за вкрадчивость женщины, мужчина покосился на неё и, ничего не сказав, отвёл глаза. – Али ждёшь чего?

– Чего мне ждать?! – огрызнулся он, нервно взмахнув руками. – Чему быть – того не миновать, а чему не быть – того и не дожидаться.

Княгиня, в который раз убеждаясь, что беспричинно вызывает раздражение супруга одним своим присутствием, сразу же поникла. Сколько раз пыталась она лаской, терпением и любовью наладить свои отношения с Изяславом, да никак не выходило.²

– Сама чего полуночицаешь? – недовольно спросил супруг. – Иди, ложись, Олисава!

Женщина хотела сказать, что уже ложилась, да вот, опять не дождавшись ненаглядного, пришла за ним. Но осеклась. Не десять, и не двадцать раз, а много больше говорила она подобное Изяславу, но ничего не менялось. Нет, это уже не разбивало ей сердце – любви в нём

¹ В авторском тексте указывается принятое нами летоисчисление от Рождества Христова. Тогда же считали от Библейского создания мира, т.е. 1054 г. это 6562 год.

² До нас дошёл так называемый «Кодекс Гертруды», что-то вроде молитвенника этой княгини, где она молит Бога даровать Изяславу кротость, добросердечие и миролюбие. Кроме того, существует путаница в сыновьях Изяслава, из-за которой ряд историков считает не всех их сыновьями Гертруды, а, возможно, наложницы/любовницы. Исходя из этого, автор описывает своё видение их взаимоотношений.

давно не было, но так хотелось, чтобы всё было по-людски, чтобы уж если не другие чувства, то хотя бы гордость её была удовлетворена возвратом верности и привязанности мужа. Давно забытая, а когда-то такая пылкая гордость!

Это теперь её звали Олисавой, а когда-то нарекли девочку Гертрудой. Родившись королевской дочерью, окруженная заботой и вниманием, она была польской королевной, получила образование, какому могли позавидовать и мужчины, не знала печали и бед, поджидавших в будущем. Но едва исполнилось ей четырнадцать, как выдана Гертруда была замуж в Киев, за сына конунга Гардарики. Брак был выгодным и обещающим помочь бедственному положению её брата, который к тому моменту уже должен был занять престол умершего отца, если бы не налетели на Польшу со всех сторон недруги да враги. Киевские князья тоже традиционно претендовали на пограничные земли, князь Ярослав отобрал двадцать с лишним лет назад Червенские территории, увёл в полон много польских людей, и теперь, в очередной кризисный период, только брачный союз мог остановить захват и войну. Казимир выдал сестру за Изяслава, сам вскоре женился на его тётке, Марии Владимировне, породнившись дважды. Мир и всё, чего хотелось от этих договоренностей, было достигнуто. А вот проигравшей оказалась Гертруда, крестившаяся здесь, как Елизавета. Муж же, на местный манер, в светлую пору начала супружества, звал её Олисавой, что среди семьи и прижилось.^{3 4}

Став в четырнадцать лет женой, Гертруда и близко не представляла, что вообще должна делать. Воспитание и образование получала она в монастыре, где выучилась грамоте, духовным законам и молитвам. Но её свежесть и невинность, конечно, приглянулись Изяславу, которому всего-то и было на год больше. Первые месяцы они пробыли почти друзьями, осторожно познавая тайны интимной стороны жизни, и в те дни Елизавета влюблена была в того, кого назначили ей в мужа. Сколько счастья выпало тогда на её долю! Но шло время, а молодая жена никак не могла подарить ребёнка супругу. Больше двух лет прошло с момента венчания, а результата не было. Изяслав стал яриться, злиться, упрекать жену в несостоятельности. Без сожалений и, не зайдя даже проститься, уехал с братьями в поход на Царьград, а когда вернулся оттуда через год, превратился в совсем уже чужого человека. Завёл себе полюбовницу, которая быстро сумела подарить ему сына. И к тому дню, когда молитвы Гертруды были услышаны, и она сама родила первенца, в хоромы их уже бегал годовалый, незаконнорожденный Мстислав, которого Изяслав взял к себе, точно это было нормальным. Пять лет спустя княгиня разродилась вторым сыном, но с тех пор муж к ней заходил крайне редко, предпочитая компанию дворовых девок или дочерей младших дружинников. Часто Изяслав ездил на охоту или устраивал пирушки, но до семьи ему дела было мало. «А ведь когда-то он был не таким, — глядя на кручинившегося о своём мужа, думала Олисава, — он и сейчас не плохой человек, да только избаловался. Нельзя уступать всем соблазнам, нельзя брать всё, что хочется. Вот, теперь он власти захотел. Ох, образумился бы, пропадёт ведь!». Но, зная, что слушать её князь не будет, Гертруда незаметно покачала головой и ушла к себе в светлицу.

Изяслав заметил уход жены, но не придавал ему значения. Опять на душе засвербело, отпил он крепкого мёда из чаши, что принесли ему ещё час назад. Послышались шаги. Князь отставил чашу, но подняться не сумел, растерявшись, представляя и надумывая, с какими вестями в такое время приходят.

В дверь вошёл гридь.⁵

— Ну, чего?! — поторопил его Изяслав.

— Митрополит вышел.

— И? — встал всё же рывком мужчина. — Сказал чего?

³ В Европе титул «князь» называли «конунг».

⁴ Гардарикой — страной городов, в других, современных ей государствах, называлась Русь

⁵ Гридь — телохранитель, дружинник.

– Нет, сюда идёт!

– Сюда? – понял интуитивно всё сын Ярослава и, утерев влажные ладони о подол рубахи, смахнул жестом гридя. – Ступай, не препятствуй!

Через минуту, к так и не севшему снова Изяславу, вошёл почтенный, согбенный, справивший около восьми десятков лет старик Иларион. Перекрестившись, едва переступил порог, на образа в углу, митрополит Киевский остановился метрах в двух от князя.

– Преставился отец? – шепотом спросил он.

– Призвал Господь его благочестивую душу, – подтвердил Иларион, опять перекрестившись. За ним повторил и Изяслав, хотя далёк был от христианского усердия. Не любил он старика, вечно читавшего ему морали, со всеми этими привычками, твёрдостью веры, аскетизмом и обязательными обрядами. Батюшка родной, и тот столько указов ему не озвучивал, не до того было мудрому Ярославу – политикой занимался, государственными делами. А Иларион, как не увидит Изяслава – за что-нибудь корит, увидит собирающимся на застолье – ругает, а с какой девкой заметит – так вовсе все уши прожужжит, и всё карой Господней угрожает, напоминая о венчанной жене. И зачем только дед их, Владимир Святославович, узаконил эту греческую веру? Она и прежде была, да только кому не любо – тот мог не креститься, и жить так, как ему на дух ложилось. Сам-то дед до крещения пожил на широкую ногу, вот здесь же, в Вышгороде, судачат люди, держал три сотни наложниц! Изяслав бывал в северных городах, где до сих пор народ чтит Перуна, Дажьбога, Ярило – иначе там обживались, свободнее. И песни пели веселее, и пляски задорнее у костров устраивали, и девки там были живее, не такие малахольные. А тут? Потому, возможно, и опостылела ему Олисава, такая же она, как все христианки набожная, беспрестанно молящаяся, не улыбочивая, скованная. Никакого темперамента, страсти. Раньше хоть кричала от обиды, громкими упрёками, что позорит её, оглашала хоромы, а теперь только молчит да вздыхает.

Иларион заметил початую чашу и указал на неё Изяславу.

– Ты всё бражничаешь? А лучше бы за ум взялся, ты, никак, князь Киевский нонче стал!

«Ну вот, началось!» – подумал Изяслав, а вслух сказал:

– Я от волнения за отца пил, теперь, знамо, не до этого будет.

– Давно же ты и часто за него волновался, – прозорливо и осуждающе подметил митрополит. – О том, чтобы усопшего обмыли и обрядили, я распорядился. Займись, чтобы завтра его в Киев отвезли.

– Займусь, святой отец, займусь! – Изяславу не терпелось избавиться от этого ментора. Разве может хоть кто-то теперь повелительно говорить с ним? – Ступай, разбуди Всеволода, сообщи ему недобрую новость!

Повинуясь – а может и сам не имел удовольствия в этом разговоре – Иларион ушёл. А Изяслав, пометавшись по горнице, вспомнил о жене. «Надо бы ей сказать, небось ещё не уснула!».

Залпом осушив чашку, князь спустился в сени и на миг замер. Пристало ли ему, великому князю Киевскому, самому оповещать о чём-либо? «А, всё же жена!» – продолжил он путь и, войдя в женскую половину хором, поднялся в светлицу. Свеча ещё не была погашена. Олисава, сняв волосник, в одной ночной рубашке, переплетала длинную косу. Увидев мужа, она обомлела.⁶

– Скончался наш батюшка Ярослав, – пробормотал на одном дыхании отчего-то растерявшийся Изяслав. – Завтра в Киев едем... Вот.

⁶ Головной убор, вроде шапочки, под который убирались волосы, а поверх него надевался обязательный для женщин знатного происхождения верхний головной убор, нарядный и богатый. Дома, если не было посторонних, можно было верхний не надевать.

– Царствие ему Небесное, – поднялась женщина и осенила себя крестным знаменем, развернувшись к иконам. Свёкор был великим человеком, к ней он всегда хорошо относился, брату помог отвоевать Мазовию. Он заслужил прямую дорогу в рай.⁷

– Ладно, спи, – поспешно бросил Изяслав и отступил, прикрыв за собой дверь. Осознание, что всё вокруг отныне принадлежит ему, и он этому всему хозяин, медленно раскрывалось и нисходило на него.

Святослав прибыл в Вышгород утром, но там уже никого не застал, а потому поторопился вдогонку траурной процессии, которую и настиг в Святой Софии, где шло отпевание. Спешившись, он доверил коня своему дружиннику, снял шапку перед входом, крестясь и кланяясь вошёл в собор. Найдя братьев глазами, Святослав подошёл к ним, и, обняв по очереди каждого, молча встал среди них. В храме болтать было негоже, хоть и не видел он родню два года, с того вечера, когда собрались они помянуть так внезапно и рано умершего старшего брата. Известие тогда пришло внезапно, прискакал гонец из Новгорода, где княжил Владимир, да сказал, что отдал тот Богу душу. Путь до Новгорода не близкий, к тому времени, как получили они эту весть, брат уже лежал в земле, но и до сих пор не удалось побывать Святославу на могиле; доверил ему отец Волынь, где и требовалось находиться постоянно. Оттуда до Польши было ближе, чем до Киева, только и смотри в оба глаза, как бы Червенские земли Казимир не надумал обратно забрать.

Женщины стояли в стороне, плакала из них только Елизавета, новоявленная великая княгиня. Она уважала и как дочь любила Ярослава. При ней, мало ещё что понимая, смотрели на происходящее три княжича, три сына Изяслава. Два её собственных – Ярополк и Святополк, и незаконнорожденный, навязанный Елизавете в пасынки, десятилетний Мстислав. Но она, сохраняя достоинство и держа себя подобающе, усмирив свой нрав за долгие месяцы неподобающего мужниного поведения, относилась к нему, как к родному.

Приехавший с Волыни Святослав поглядел на неё с мимолётной жалостью, а потом перевёл взгляд на старшего брата. Эх, жаль умер Владимир! Вот был бы князь, а Изяслав – что? Ему помогать придётся, как и завещал отец, это ясно. Когда они больше десяти лет назад ходили на Царьград, ведомые Владимиром, неважно себя показал Изяслав, несерьёзен был, точно на прогулку вышел, думал, просто всё будет, в пути развлекался, дрался неумело, а только лишь они проиграли – первый же пал духом и не захотел возвращаться к грекам, когда пришла пора вести примиряющие переговоры. Даже Всеволод, которому тогда было четырнадцать, себя лучше проявил! А сам Святослав ещё и с женой оттуда вернулся. И мысли его тотчас унеслись к дому, к его прекрасной Киликии, оставленной в тёплом тереме. В великокняжеских хоромах тоже топят недурно, но разве есть здесь согревающий взор и пламенные губы любимой? Ох, и зачем так рано умер отец! Всё бы ничего, но Святослав чувствовал, что от большого количества наследников добра не жди, и сидеть сиднем дома, как прежде наслаждаясь семейной жизнью, благополучием тихой родной гавани в объятиях супруги, не получится.⁸

Служба закончилась, все расходились стройными рядами. Женщины и девицы с детьми шли в терем княгини Ольги, недавно перестроенный и отремонтированный, мужчины побрели на Ярославов двор, в сторону повалуши. Обстучав снег с сапог, стали подниматься с важным топотом по каменной лестнице. Помимо приближённых воевод и дружинников, увязалось и знатное киевское боярство следом за Ярославичами. Заметив это, Святослав остановился перед входом в залу. Покосился на Изяслава, но тот непонимающе смотрел в ответ, интересу-

⁷ Область Польши, отсоединившаяся в результате крестьянского восстания. Ярослав помог Казимиру усмирить её и вернуть.

⁸ О жене князя Святослава историкам вообще ничего неизвестно, кроме имени – Киликия или Цицилия.

ясь, почему они встали? Святослав воззрился вопросительно на бояр. Те начали смекать, что надобно что-то сказать. Один из них решился, глядя на Изяслава: ⁹

– Обсудить бы дела надо, великий князь...

– Не сегодня! С братьями хотим помянуть отца, – выступил Святослав, не надеясь уже на старшего брата. – По-семейному хотим поговорить, бывшее вспомнить, а дела – завтра! – Посмотрев на своих дружинников и отцовых воевод, он и для них не стал делать исключений: – Идите, тоже помяните нашего батюшку, да сильно не напивайтесь, завтра совет соберём, чтоб головы у всех ясные были!

Более расторопные военные люди, поняв приказ, стали уходить. Боярство ещё с минуту-другую пошептало на лестнице, но тоже удалилось. Святослав толкнул дверь, кивнув в зал братьям, сам зашёл последний, за ними, и закрылся, чтобы никто не потревожил. Ярославичи дружно приблизились к столу. Ряды стульев по обе стороны от него не бросались на вид, а вот тот, что стоял в изголовье так и звал занять собственную пустоту. Младшие трое братьев без каких-либо слов уселись по бокам. Изяслав, точно ища в лицах разрешения, приблизился к выделяющемуся стулу. Под тяжёлым и недовольным взором Святослава, он сел.

– Почему ты сам не прогнал бояр вон? – обратился тот к нему.

– Да я же тут близко никого не знаю! Я из Вышгорода не выезжал сколько? А у киевской знати, сам знаешь, характер крутой, и что не так скажи – они припомнят!

– Если они будут видеть, что ты боишься ими повелевать, то у них характер ещё хуже становится будет, – озвучил истину Святослав. – Ты великий князь! Разве отец сильно церемонился?

– Тебе легко говорить, приехал со своими людьми, отрядом охраны – кто тебя послушается? А у меня что?

– Что ты, как дурак, Из, – не выдержал второй Ярославич, – всё отцово теперь – твоё! И мои люди – твои, я только их непосредственный начальник, а ты – мой. Привыкай, вживайся в каганскую шкуру! ¹⁰

– Да, Из, – подтвердил третий по старшинству брат, двадцатичетырёхлетний Всеволод, – ты отныне каган.

– А вы что скажете? – кивнул Изяслав младшим. Четвёртый Ярославич, Вячеслав, пожал плечами, отвечая за себя и за Игоря – пятого брата:

– Отец велел быть нам единым целым, и уважать, и слушаться тебя. Как может быть иначе?

– Хорошо, – выдохнул укрепляющийся великий князь Киевский. «Вот приводит мне Свят в пример отца, а тот, между прочим, братьев своих извести пытался, чтоб прочнее сидеть, да разве ж так можно? Я не представляю, как управлюсь без Свята, он хоть что-то понимает, посидел на Волыни хозяином – научился». – Как думаете, о чём бояре говорить хотели? Какие дела у них могут быть?

– В первую очередь, как и положено, должен ты назвать наследника своего.

– И послать его в Новгород?

– Как же ты его туда пошлешь, – удивился Всеволод, – там же сын Владимира сидит!

– Но наследники киевские традиционно сажаются в Новгород, – уточнил Изяслав, – Ростислав туда потому и был посажен, что в Киеве должен был править его отец, а теперь киевский князь – я, значит, моему сыну в Новгороде и сидеть. Или что, вы хотите Ростислава, может, вместо меня посадить здесь?

– Может, – несмело предположил Вячеслав, – пригласить сюда самого Ростислава, да спросить у него?

⁹ Повалуша – башня для сборов и пиршеств, всегда стоящая немного в стороне от жилых построек.

¹⁰ На Руси царский титул долго назывался «каган», как и у соседних государств-каганатов

– Спросить? – засмеялся Святослав. – И он, ты думаешь, добровольно скажет, что не хочет быть великим князем, поэтому соберёт пожитки и уйдёт? Не смеши. Он уже взрослый парень, наверное, жену себе сейчас подбирает, его воспитали там, у него свои друзья и близкие, мы не знаем его, а он – нас, если оставить за ним право, то мы ему тут тоже не нужны, наверняка начнёт стараться избавиться от нас, ведь по закону мы старшие – помеха. Думаю, в этом Из прав. В Новгороде ему сидеть нечего, выделим ему другой удел, чтобы не обидеть, но чтобы понял, что претендовать на большее ему бессмысленно.

– Значит, завтра я назову наследником Мстислава...

– Мстислава? – опять возник Всеволод. – Но он же...

– Мой сын. Старший, – процедил Изяслав, показывая, что обсуждать это не будет. – Он уже отрок, смысленный и послушный, его можно отпустить с дядьками.¹¹

Святослав вспомнил бедную Елизавету и подумал, что для неё это станет облегчением, и в то же время новым ударом. Выходит, законные сыновья наследниками Киева не станут.

– И какой удел выделим Ростиславу? – поинтересовался Игорь.

– Возьмём завтра в библиотеке отца карту, расстелем и решим, – сказал Святослав. – Давайте не будем ни в чём торопиться, всё взвесим.

– Это верно, – согласился Изяслав. Подумав, он робко произнёс: – А что, если сместить Илариона с митрополичьего места?

– Зачем?! – почти хором среагировали братья.

– Да стар он уже ужасно, – пытался оправдать свою задумку, не выдавая истинных причин великий князь, – лезет всюду, указывает. Отец его берёт, как раритет от своего отца. Помоложе кто-то на такую должность нужен.

– Ох, ну хочешь перемен – делай, – опять заулыбался Святослав, не видя ничего преступного в смещении митрополита. – Отец его назло Византии в большей степени назначил, показать самоуправство и самостоятельность.

– В светской жизни князь должен быть независимым, но в духовной так нельзя, – покачал головой Всеволод. – Если нового митрополита избирать, надо спросить у патриарха.

– Вот ты этим и займись, – обрадовался Изяслав, найдя хоть одно решение, – ты ж женат на дочери Мономаховой. Дочь византийского императора должна иметь связи и влияние. Напишите с ней письмо, будь ласков, брат, и отправьте патриарху.

– Что ж, если нужно... – протянул Всеволод, принимая указание.

– Всё это хорошо, но не о том ты думаешь, Из, – откинувшись на спинку стула, Святослав посмотрел на каждого брата по очереди. Догадается ли хоть один, на какую тему стоит завести беседу? Нет, хлопают дружно глазами и ждут. Изяслав особенно напрягся.

– А о чём же мне думать ещё, Свят?

– А вот о чём. – Второй Ярославич поднялся и, обойдя стул, оперся локтем о его высокую спинку. – Мы только что сказали, что Ростиславу, нашему племяннику, будем поперёк горла, потому что идём по лестнице наследства выше. А сами-то ничего не забыли? Мы разве не племянники кому-либо?

– Судислав! – выдохнул Игорь еле слышно.

– Именно, – щёлкнул пальцами Святослав. Изяслав побледнел и пригорюнился.

– К чему ты его вспомнил? Он... – сосчитав в голове, старший выдал: – Восемнадцать лет уж сидит в тюрьме. Что должно измениться?

– Изменилось то, что он последний живой сын великого Владимира, нашего деда. Отец упрятал его в псковский поруб, избавляясь от конкуренции. Теперь он – единственный представитель своего поколения в роду нашем, в роду Рюриковичей. И тот же Ростислав, если

¹¹ Имеются в виду воспитатели, опытные наставники, приглядывающие за мальчиками

возмутится нашими решениями, может попытаться освободить его и под его знамя собрать на свою сторону силу.¹²

– Тогда усилим охрану, – стукнул кулаком по столу Изяслав.

– Можно. Но и это не единственная проблема.

– Да что ещё?! – вспыхнул великий князь.

– Раз уж речь зашла о псковской стороне, то есть там по соседству ещё один претендент...

– Всеслав Чародей! – опять с трепетом прошептал Игорь. Всеволод перекрестился.¹³

– Да, наш полоцкий племянник. – Святослав опять сел на стул. – Его дед, твой тёзка, – бросил он Изяславу, – был намного старше отца, но умер ещё задолго до борьбы за Киевский престол. Зато отец Всеслава пытался присоединить к своему Полоцку Новгородские земли. Он даже разграбил Новгород, но наш отец вступил с ним в сражение, и им пришлось заключить мир, после которого полоцкие князья вот уже тридцать лет не высовываются из своих болот. Но, кто знает, что взбредёт им в голову? Ветвь-то их, как ни крути, старше нашей. И пожелай Всеслав...

– Прекрати упоминать этого поганого язычника, – попросил Всеволод. – Ты знаешь, что о нём народ говорит? Что он сын ведьмы, и умеет обращаться диким зверем в полнолуние!

– Меньше верь сказкам, брат, – махнул ему Изяслав. Великому князю эти истории нравились. Его вообще не смущало, что Всеслав остался язычником и поддерживал разные культы в своей полоцкой земле. Он бы хотел там побывать, посмотреть на дремучие леса, населённые якобы лешими и кикиморами. Судачат, что Всеслав и на охоту-то не ходит, волки ему сами приносят дичь, потому что он – один из них.

– Я думаю, что беспокоиться пока не о чем, – вклинился Вячеслав. – Укрепить охрану псковского поруба – разумно, а переживать за Полоцк... не первыми же нападать? А Всеслав, – он извиняющимся взглядом посмотрел на Всеволода, – может никогда не вспомнить о своих правах, что же, всю жизнь мы, как на иголках будем?

– Правильно, – кивнул Святослав, – проблемы следует решать по мере поступления. А пока... что ж, в самом деле, помянем отца! Игорь, сходи, вели нести пиво и брагу.

¹² Поруб – тюрьма

¹³ Реальный князь из Рюриковичей, о котором ходило множество таинственных легенд и сказаний

Глава вторая. «Наследство Ярослава»

Ярославичи просидели до темноты, да и после неё разошлись не сразу. Успели они не только оплакать отца, но и ещё раз брата Владимира. А потом вспомнили и почившую матушку. Выпили за всех. Изяслав, хмелея, стал вспоминать о том, как сидел в Турове князем, пока не призвал его Ярослав обратно, в Киев, захворав и захотев обсудить важное – испугался, что конец его близок, хотя прохворал он после этого ещё более двух лет, чувствуя себя всё хуже, особенно жалуясь на ноги и оттого редко предпринимая выходы из дворца. «Вроде бы и я должен быть сообразителен и сноровист, как Свят, раз тоже когда-то имел опыт управления, однако ж почему-то не чувствую себя таким уверенным, как он» – думал Изяслав. Что же было не так? Всё время, проведенное в Турове, старший из оставшихся Ярославичей как раз охотился, пировал, распутствовал, да слушал байки о полоцком родственнике. До Полоцка оттуда было намного ближе и, при желании, навеститься к Всеславу в гости можно было ещё тогда, но любопытство смешивалось со страхом. Трусостью Изяслав не славился, но предосторожности и нерешительность были в его характере, если это не касалось, конечно, какого-нибудь развлечения и занятия, не требующего ответственного подхода.

Святослав, которого брага не проняла, первым подал братьям знак идти на покой. Коли уж своим людям велел отдохнуть нормально, то и собственную голову стоило побереечь, дать ей выспаться. Поддерживая немного шаткого Изяслава, он вышел с ним во двор, окрикнул ближайшего гридя и отправил того на поиски огнищного тиуна. Пока они дошли до отцовских хором, тот явился навстречу.¹⁴

– Готовы князьи покой? – спросил Святослав.

– Челядь прибралась, князь, шибко-то готовить и нечего было, всё чинно в покоях...

– Ну, тогда проводи кагана, – препоручил брата огнищанину Святослав и, освободившись, потянулся на морозном воздухе. Переступил с ноги на ногу, послушав хруст снега. Свои покои в родительском доме он знал и без провожатых, да только идти на одинокое ложе радости мало. Задрав голову к прояснившемуся небу, мигавшему звёздами, Святослав воспроизвёл в памяти томное, с голубыми глазами лицо жены и, вздохнув печально, безысходно пошёл укладываться.

Меньше всех выпивший Всеволод – христианская добродетель запрещала пьянствовать – пришёл в спальню, где ждала его супруга. В ходе мирных переговоров с Византией, восемь лет назад ему буквально впихнули этот брак, хотя он и не сопротивлялся, привыкший к послушанию и подчинению воле отца. Император Константин Мономах просил способного увезти подальше жениха для своей единственной дочери, переживая за её будущее, потому как константинопольский трон часто шатался, просил кровавых жертвоприношений и губил оказывающихся возле него людей; все старшие сыновья Ярослава уже обженились, Святослав как раз обвенчался со своей Киликией, наваждением жаркого юга вошедшей в его жизнь, младшие же ещё были малы. Вот и выпало срединному Всеволоду осуществить эту династическую миссию.

Анастасия была совсем ребёнком, когда покинула родину. Боязливая и физически не очень крепкая, она умела, однако, расположить к себе и завести дружбу. Быстро найдя общий язык с княжной Анной, сестрой Ярославичей, она привела в восторг манерами и учёностью великую княгиню Ингегерду, свою свекровь. Девочка обрела второй дом здесь, в Киеве, нашла себя занятия, никогда не сидела сложа руки. С ней из Царьграда приехала небольшая свита – учителя, духовники и мастера. Их услугами и советами любил пользоваться Ярослав, особенно это касалось строительства, его обожаемого дела. Но вскоре выяснилось, что Ана-

¹⁴ Тиун – древнерусский дворецкий, управляющий хозяйством. Просто огнищанин или огнищный тиун – самый главный над слугами и другими тиунами (у князя их могло быть несколько из-за величины личных владений).

стасия так поднаторела в знании архитектуры, что сама могла давать рекомендации не хуже прибывших с ней знатоков.¹⁵

Всеволод, наблюдавший за тем, как расцветает и созревает его супруга, гордился ею неимоверно и, сам того не заметив, влюбился. Полюбила его и Анастасия. В прошлом году она подарила ему их первого ребёнка, сына, которого Всеволод, с одобрения отца, назвал в честь упокоившегося брата Владимиром.

– Засиделись вы что-то, сокол мой, – поцеловала в щёку Анастасия мужа, вернувшегося от братьев, и стала помогать ему разоблачаться. – Нам Олисава пожелала добрых снов с появлением первых звёзд на небе.¹⁶

– Нам было о чём потолковать, Настенька, – отдавая в руки жены одежду, которую та складывала в сторонке, рассказывал молодой князь, – и помянули, и прошлое перетряхнули, и будущее обсудили, правда, не до конца. Завтра продолжим.

– А сегодня, что ж, ни к чему не пришли? – Анастасия знала, что повод волноваться есть. Книгочей, любознательная от природы, она хорошенько выучила, чем обращается смерть великого князя здесь, на Руси, когда у него много сыновей. Разве были исключения? Владимир Креститель после смерти отца воевал с братьями, а когда сам умер – все его сыновья передрались, пока Ярослав не одержал верх.

– Как же! Пришли, – невесело усмехнулся Всеволод. – Илариону митрополитом больше не быть.

– Что ж так? – Уложив аккуратно мужнины вещи, Анастасия распустила косу и шмыгнула под одеяло. Супруг забрался туда же.

– Из говорит, что стар больно наш Иларион. Насчёт этого не знаю, а что вообще-то надо было у патриарха просить митрополита – это точно. Теперь так и сделаем – по-правильному. Как думаешь, наверное, нужно отцу твоему сначала написать?

– Можно и ему. Заодно спросим, что он сам думает об этом? Ой, и ведь о смерти батюшки Ярослава Владимировича надо известить. Гонцы, разумеется, и без нас дело сделают, но нельзя же обойти такое в письме.

– Нельзя, конечно. Но о митрополите новом спроси, может, знает он достойного претендента.

– Да уж верно знает, – с дочерней верой во всемогущество отца кивнула Анастасия.

Всеволод задул свечу и, повернувшись к своей Насте, лёг и обнял её, поцеловав в пшеничные волосы, пахнущие травами. На дворе зима, а запах лета! Только женщины умеют творить такое доброе волшебство... При мысли о волшебстве, Всеволод опять вспомнил о полоцком князе. Правда ли всё, что о том говорят?

– Ты чего? – почувствовала напряжение в возлюбленном Анастасия. – Послышалось что?

– Да нет, так, пустое... – отболтался он.

Следующим днём, не оттягивая, позавтракав и одевшись побогаче, как подобает князьям, Ярославичи собрали и бояр, и воевод, и даже самых именитых купцов. Митрополита решили не звать, и Святослав, зная резкость старшего брата, взял на себя заботу оповестить того после, что по общему решению митрополю он должен сдать. Сейчас же дело поважнее намечалось. Знатных лиц сошлось множество, в зале было тесно и душно, яблоку негде упасть, и когда

¹⁵ Точное имя жены Всеволода неизвестно, есть версии и Анастасия, и Мария. Чаще летописи называют её только Мономахиней. Автор предполагает, что Константин хотел именно спасти дочь, а не оказать честь проигравшей в войне Руси, потому что она не имела никакого отношения к правящей византийской династии. Сам Константин Мономах был обычным полководцем, и стал императором благодаря тому, что женился на престарелой императрице, которая была его на 20 лет старше. Дочь же у него была от предыдущего брака, поэтому, по сути, она даже не царского происхождения, и имела вес только при жизни отца, а на наследование никаких прав не имела.

¹⁶ Подобные выражения – не литературные приёмы, на Руси действительно в ходу была подобная восточная велеречивость, обращались с эпитетами «милостивый», «любезный», «свет мой ясный».

Вячеслав Ярославич, переняв у тиуна принесённую карту, разостлал её на столе, все смекнули, что сейчас начнётся интересное.

По наущению Святослава, Изяслав сразу же завёл речь об их племяннике Ростиславе, но не успел и договорить, как собрание зашумело. Прислушиваясь к интонациям и словам, братья быстро поняли, что бояре и купечество на их стороне. Ростислава они не знали, и если тот останется наследником, то однажды явится сюда со своими людьми, будет строить свои порядки, а до этого будет чинить препятствия киевским торговцам, поддерживая своих, ради процветания Новгорода; от Новгорода много товаров идёт, выгоды и добра всяческого, будь он самостоятельным, со своим князем – станет при себе всё оставлять, а управляйся из Киева, так вынужден будет уступать. Поэтому замену Ростислава Мстиславом приняли хорошо, промолчали лишь дружинники. Многие из них сами давным-давно или недавно прибыли из-за Варяжского моря служить русичам, как раз через Новгород, где всегда легко было наняться. Кто-то в воеводах был родом из новгородских служилых людей, и зашедшие разговоры о «чужаках с севера», не нужных тут, не всем понравились. Среди них был только один, чья проблудившаяся сестра родила Изяславу первенца, кто расправил плечи и предвкушал возвышение, будучи Мстиславовым воем.^{17 18}

– Но, – взял слово, зычным голосом заставив всех стихнуть, Святослав, – не можем мы родного братанича сиротой и изгоем совсем оставить. Не может он, княжич, без земли быть, а потому, давайте думать, какой удел ему дать.^{19 20}

Присутствующие потянулись к столу, теснясь и толкаясь. Всем, по большому счёту, было всё равно, лишь бы подальше держать Ростислава, но поглазеть на карту хотелось каждому, наглядно понять, как далёк будет край.

Около часа судили и рядили все города и веси, тыкая на Рязань, Тмутаракань, Суздаль. Тмутаракань не хотели отдавать купцы, а с ними и Святослав, осознававший важность этой территории. Это местное, осёдлое боярство там не бывало, а он, кто ходил в походы с ратниками, видел и Тмутаракань, и Корчев – большие порты, наполненные судами, толпы иноземных путешественников, гомон разных языков, караваны, шумные площади с торговыми рядами, руины древних эллинских дворцов, возле которых в греческих кварталах ещё выстраивались восхитительные белоснежные дома из камня – не мог и мысли допустить о том, чтоб лишится власти над краем, так напоминавшим Царьград, подаривший ему встречу со счастьем. Как такое проворонить?²¹

В итоге, начав с шутки, что Ростиславу по имени лежит ехать в Ростов, так и решили.

Подняли второй, более опасный вопрос, о Судиславе. Но и тут собрание поддержало Ярославичей. Судислав до неволи княжил в Пскове, всем здесь был всё тем же пришлым, «северным чужаком», который мог ещё и захотеть отомстить за то, что никто не вызволил его раньше. Постановили пока ничего не менять, а только послать кого-нибудь и удостовериться, что в порубе держат его хорошо: и достойно, и надёжно.

О Полоцке никто не вспомнил, промолчали и Ярославичи. Чего напрасно воду баламутить? Перешли к последнему и самому главному: как им, сыновьям Ярослава, ставить свою власть? Ведь отец велел им держаться вместе. Накануне, без лишних ушей, они уже условились сплотиться, и всегда быть рядом друг с другом, насколько позволят обстоятельства. Воспитанные в одной детской, рожденные одной матерью, зачатые одним отцом и привыкшие везде

¹⁷ Балтийское море

¹⁸ Вуй – дядя по матери

¹⁹ братанич – племянник, сын старшего брата, сын младшего брата – брательнич

²⁰ Изгоем называли лишённого вотчины, а не неприятного по каким-то причинам князя, сиротой иногда так же называли не того, кто остался без обоих родителей, а кто остался без земли.

²¹ Нынешний Таманский полуостров и Керченский район, княжество занимало оба берега Керченского пролива.

идти плечом к плечу, могли ли они мыслить иначе? До сих пор ни разу их жизненные пути не расходились, и так они желали, чтобы оставалось впредь.

В боярско-воеводской массе, наконец, очевидно не стало единомыслия. Приехавшие со Святославом его приближенные, не откровенно, но понятно высказывались, что справедливо бы их князю где-то тут остаться, всё же, по рождению третий, а теперь, по злему року, второй сын великого Ярослава, а не ратник обычный, чтоб на границе с Польшей сидеть. На польскую тему где-то позади зашушукались те, кому не нравился Изяслав, что ему бы там самое место, поближе к родине жены, Елизаветы, авось, там бы ему мозги вправил Казимир. В основном это были самые старые и религиозные знатные лица, с ханжеством или богобоязненным осуждением смотревшие на образ жизни Изяслава.

Люди же Святослава были покорены Киевом, они увидели большие и светлые церкви, каменные храмы, поражающую величием Святую Софию. Возвращаться в Волынь уже не хотелось, жить на постоянном боевом посту, сменяясь, день через день, на дежурствах, чтобы не упустить вторжения коварных ляхов – кто их знает, нападут когда-нибудь или нет? Тут-то, в центре земель, в стольном граде, безопаснее.

Но братья не пришли в замешательство, они осторожно предлагали свою версию правления, гнули своё, и сумели навязать так, что все подумали, будто общими усилиями решили задачу. Изяслав оставался в Киеве. Святослав и Всеволод отправлялись хозяевами в ближайшие города, куда было по одному дневному переходу пути. Первый взял Чернигов, выбив в придачу Тмутаракань с ещё некоторыми землями, второй взял Переяслав, дополнив это удаленными северо-восточными землями, ровно посреди коих лежал Ростов, отданный племяннику – чтобы не пытался ни в какую сторону расширяться и силы умножить.

На середине пути к Новгороду от Киева стоял Смоленск. В него назначили князем Вячеслава, а младшего, Игоря, отправляли на место Святослава, в Волынь, править Червенскими территориями. Игорю едва исполнилось восемнадцать, ему ещё не приходилось участвовать ни в одной битве, на его безбородом лице ещё не появилось ни одного шрама, поэтому, во-первых, ему дали земли, где царил порядок, наведенный железной рукой Святослава, во-вторых, ему дали те земли, где он имел возможность, при случае, набраться ратного опыта. Да только обженить его сначала надо было. Ещё при отце Игоря обручили с дочерью графа Лувенского, и по весне она должна была прибыть, чтобы начать свадебные приготовления. К тому же, супруга Вячеслава была на сносях, тянуть её в дальнюю дорогу было бы опасно, вот Ярославики и огласили вердикт: до лета посидят в Киеве вместе! А там уж видно будет.²²

И только Мстислава поскорее надо было собирать в Новгород, чтобы он с грамотой передал Ростиславу, своему кузену то, к чему пришли в Киеве.

Через несколько дней Изяслав стоял на крыльце, провожая старшего сына в далёкий путь. Мальчишка сиял, видя грядущую поездку чем-то завораживающим и увлекательным, и едва не бил ногой, как бил копытом конь, поджидавший его.

– Ну, друг мой сердечный, – наклонившись, великий князь обнял сына, прижал к груди, похлопал по спине. Отстранив – поцеловал в лоб и, в чувствах, даже перекрестил. На него многие смотрели, во дворе собралась толпа провожатых, может и поэтому, по привычке соответствовать, сорвался этот невольный жест. – Слушайся дядек, особенно Богдана, – указал Изяслав на брата своей любовницы, которую за связь незаконную, по Уставу Ярослава, отправили в монастырь.²³

²² О жене Игоря ничего не известно, поэтому автор создал оригинальный женский персонаж, однако графство Лувенское существовало в действительности.

²³ Церковный Устав Ярослава продолжает традицию, до него уже существовал церковный Устав Владимира. В этих документах рассматривается регламентация частной жизни и меры наказания за различные грехи, вроде измены, инцеста или брака с иноверцами. Говоря современным языком, Устав представлял собой Семейный кодекс, тогда как Русская правда, тоже созданная при Ярославе Мудром – Уголовно-административный кодекс.

За измены жене муж обязан был платить князю штраф, но Изяслав был сыном того князя, которому он обязывался законом платить за своё поведение. Ярослав устраивал ему нагоняи, разумеется, а не деньги требовал, поэтому Изяслав старался при отце развлекаться незаметно. Но что теперь? Если выше него князя нет, выходит, наказание нести не перед кем? По некоторым статьям Устава, опороченную девицу из монастыря можно было выкупить после того, как она замолит свои грехи, но если прежде, при Ярославе, сделать это было никак нельзя, то по смерти его... Изяслав делал каждый вдох с ощущением, что пьёт свободу. Насколько легче становилась жизнь! Хоть он и искренне любил отца, и горевал по нему, а всё же всему своё время, и закономерность в том, что старое отмирает, а молодое продолжает жить была.

Елизавета, стоявшая за спиной супруга, после него тоже обняла мальчика, расцеловала в красные от пощипывающего мороза щёки, прочитала чуть обветренными губами над ним молитву. На глазах её стояли слёзы. Хоть когда-то и была она ранена в самое сердце рождением этого ребёнка, но, воспитав его, привыкнув к нему, прикипев, она видела, какое он ещё дитя, и безумно переживала, не случится ли с ним что вдалеке от семьи.

– Мстиславушка, хороший мой, – погладила она его по голове, что не очень понравилось пареньку, приготовившемуся считать себя взрослым. А тут, при дядьках и отце, глядят как котёнка! – Ты мне хоть с кем-нибудь весточку подавай о том, как ты там. Ты же учил грамоту. Ну, самому не время будет, так надиктуй писарю какому. Обещаешь?

– Хорошо, матушка, – кивнул Мстислав, нетерпеливо косясь на оседланного коня. Как только княгиня развела руки, он стрелой унёсся к нему. Изяслав за это время успел перекинуться словом с Богданом, обменявшись прощальными рукопожатиями.

Кавалькада тронулась. Провожающие простояли на местах, пока хвост последней лошади не скрылся за воротами, и только потом разбрелись по своим делам. Изяслав обернулся и, наткнувшись взглядом на жену, бросил ей, пойдя подниматься по лестнице:

– Что, довольна?

– Да что же ты говоришь такое, милостивый князь? – утерев уголки глаз, пошла за ним Гертруда. – У меня в груди всё переворачивается. Ну, куда вы его посылаете? Зачем? Да ещё зимой! Холода-то какие...

– Тебя спросить забыли, много ты понимаешь? – Остановившись и обернувшись, Изяслав не стал развивать эту мысль. Жена его не была глупа, понимать-то она понимала, да вот эмоции могли взять верх. Потому и старалась она почаще молиться – это спасало её от брани и упрёков, считавшихся недостойными княгини. – Некогда ждать весны, Ростислава надо убрать из Новгорода, а Мстислав уже не младенец!

– Для меня он всё крошка из колыбельки...

– Как ты умильно о нём говоришь! А прежде? Сколько грязи вылила на невинную голову! Будто это позор, да несмыслимое оскорбление!

– Господь да простит меня за слова, сказанные о не заслужившем их, – перекрестилась Гертруда, – но разве я не была права в том, что ты оскорбил меня? Не Мстиславом, нет! Своей неверностью, нарушением брачных клятв, данных перед Богом! Ведь грех-то какой!..

– Олисава! – повысил голос, войдя в хоромы и опять остановившись, Изяслав. – Прекрати! – оглядевшись, что вокруг никого нет, князь позволил себе высказаться: – Обидели её, посмотрите! Да разве ж я тебе сказал хоть слово дурное? За волосы тебя таскаю, как холоп свою жинку? Сестра моя вышла замуж за короля Норвегии, который добивался её руки пятнадцать лет! Отец отказал Харальду, ведь тот был никем, когда увидел бегущую под ногами Елизавету; ей было пять, и Харальд сказал, что женится на принцессе руссов! И через пятнадцать лет, став королём, приехал и уговорил отца. И знаешь, чем всё закончилось? Увезя Елизавету в свою Норвегию, он взял там вторую жену, вот так просто – как язычник, как самовластный

король, который что хочет, то и делает! И ничего, моя сестра терпит это и продолжает с ним жить. Так разве же по сравнению с такой историей, я плохо к тебе отношусь? ²⁴

Гертруда помолчала и, не выдерживая горячего, гневного взгляда мужа, опустила глаза и прошептала:

– Ты прав, князь. Когда мужчина заставил поверить в преданную любовь своими подвигами, разочаровываться куда больнее, да ещё таким образом. Ты, по крайней мере, никогда мне ничего не обещал, и в любви не клялся.

– Из! – прозвучал позади громкий голос Святослава, и Гертруда, поклонившись супругу, retirовалась. Новоиспеченный черниговский князь подошёл к старшему брату. – С этими проводами не было времени накануне поговорить. Я же имел беседу вчера с Иларионом!

– Да? И как всё прошло?

– Гладко.

– Что сказал митрополит? Как принял отставку?

– Смиренно. Сказал, что груз с плеч его сняли, и он может вернуться в свои пещеры, отшельничать далее. ²⁵

– Вот и отлично, – удовлетворенно хлопнул в ладони Изяслав и потёр их. – Что насчёт хорошенько пообедать?

– Чуть позже, торговцы с Подола обещали принести мне свои товары, хочу выбрать что-нибудь в подарок Киликии к её приезду. Я же отправил ей письмо сразу, как мы провели совещание, чтобы приезжала. Должно быть, через неделю, или чуть больше, она уже будет здесь. Жду не дожусь!

– Как ты её любишь! – не то с насмешкой, не то с завистью отозвался Изяслав.

– Я женился по любви, – улыбаясь, пожал плечами Святослав. – А как в неё можно было не влюбиться?

Брат поспешил по своим делам, сбегая по ступенькам обратно. «Да, Киликия красавица, – припомнил её великий князь, пышногрудую брюнетку с ярко-голубыми глазами, по-южному немного смуглую, с тёмно-алыми губами, словно только что пившими вино, – но у нас и среди местных девок красавиц полно, так зачем же далеко ездить? И зачем останавливаться на одной? Вот, Харальд же смог себе позволить...».

²⁴ О Елизавете Ярославне история подлинная, из исторических источников

²⁵ Основатель Киево-Печерской лавры, современник излагаемых событий монах Антоний, заложил основу будущей обители в пещере, которую выкопал именно Иларион, положив начало новой монашеской общине. Но Иларион был призван на кафедру митрополита, чем был оторван от своего отшельничества, когда же его сместили, в 1054 году, по некоторым данным он вернулся в пещеры.

Глава третья. «Гость»

Весна приходила приливами и отливами. То распогодится и потечёт всё ручьями, то опять налетает с ночи мороз, застужает всё, присыпает снегом. По такой переменчивой распутице прибыла Игорева невеста Адель, дочь графа Лувена и макграфа Брюсселя. В первую же очередь её окрестили по православному обряду Еленой, едва она успела разместиться в тереме. Приставленный к ней священник стал заниматься с ней, совершенствуя знание языка руссов, поскольку пятнадцатилетняя девушка меньше чем год назад начала учить его, готовясь к замужеству. Игорь приветствовал её при въезде, и она показалась ему очень пригожей, хорошенькой и доброго нрава, вывод о котором он сделал по её смущенной улыбке. Но встречаться до свадьбы без дела было неприято, а потому самый младший Ярославич с каждым днём делался всё одержимее венчанием, подгоняя время, так что прожужжал братьям уши, и те посмеивались над его нетерпением.²⁶

Святослав перевёз семью в черниговские хоромы, распорядившись о некоторых пристройках и расширении княжеских покоев. У них с Киликией уже было четверо сыновей и дочь, и он представлял, какой большой и дружной будет их разрастающаяся семья, какие удобства им понадобятся. Но свадьба Игоря приблизилась, а потому, взяв жену и двух старших ребят, Глеба и Романа, он приехал вновь в Киев, куда и без того наведывался несколько раз за прошедшие с похорон отца три месяца, благо путь был недалёк. Не мог он оставить Изяслава в одиночестве, без поддержки, подозревая, что иногда у того будут случаться конфликты с воеводами или в семье. Конечно, в отношении мужа и жены вмешиваться было нельзя, но Святослав жалел Олисаву, поддерживая её по возможности, если не добрым словом, то хотя бы поднимая настроение брату, чтобы тот сделался ласковее и снисходительнее. Изяслав вернул из монастыря свою бывшую любовницу, мать Мстислава, но, за несколько недель поняв, что былого не вернуть и никакой тяги к ней он уже не испытывает, оставил женщину жить своей жизнью. А что её могло ждать, опороченную блудом? Святослав распорядился отправить её в Вышгород, заплатив ей достаточно мехов и драгоценностей, чтобы могла она до конца ни в чём не нуждаться. Ему удалось переспорить старшего брата, что в Новгороде, с Мстиславом, ей совсем не место. Не хотелось получить озлобленного племянника, которого распутница-мать никогда не сумеет воспитать достойно.

Теперь у Изяслава была какая-то очередная зазноба, но Святослав уже махнул рукой, не мешая удовлетворять похоть неугомонному брату. Скорее это даже походило не на истинное неиссякаемое вожделение, а на использование собственных возможностей. Тешить самолюбие можно было и таким образом, да это лучше, чем махать кулаками и оспаривать перед другими мужами, что он самый умный и властный. В мирное время князь волен развлекаться, как ему угодно, лишь бы при необходимости умел взять себя в руки и показать себя могучим воином и мудрым политиком, каким был их дед Владимир. Более шестисот наложниц не мешали ему укреплять государство, отбиваться от печенегов и возвысить род до небывалого до того величия. А принятие крещения помогло развить грамотность и науки. Столько рассудительных и мастеровых людей стало приезжать из Византии! Проходя мимо церкви, Святослав перекрестился. Потом заметил на ступенях выходящую изнутри Оду, жену Вячеслава, недавно разрешившуюся от бремени, и поклонился ей.²⁷

— Доброго дня, княгиня! — поздоровался он.

²⁶ эти средневековые образования находились на территории современной Бельгии.

²⁷ Оду Штаденскую хроники называют женой царя русов без имени, поэтому на её счёт есть много версий, кто же из Ярославичей был её супругом, но поскольку так же известно, что у Оды был повторный брак, автор разрешает эту проблему по-своему.

– Доброго, конунг, – с сильным акцентом ответила девушка. Материнство пока на ней никак не отразилось, она была всё такой же хрупкой и стыдливой. Щёки её пылали, а глаза глядели с прежней невинностью.

– Как здоровье ваше? Как дитя?

– С Божией помощью, – неверно выговорила она, стараясь быть краткой, стесняясь своей неправильной ещё речи.

– Ну, и то хорошо! – поклонился снова Святослав и пошёл дальше.

За спиной Оды раздался вздох одной из боярских дочерей, что окружали её.

– Ах, до чего любезен Святослав Ярославич! Какой славный муж!

– Не надо! – обернулась к ней Ода, насупив брови. – Обсуждать конунг – дурно! Женатый конунг.

Девушки притихли, зашагав за княгиней. Но её возмущение было вызвано вовсе не примерным образом мыслей. Она не желала слушать то, что с трудом заглушала в себе самой. С самого первого взгляда, что упал на Святослава в Софийском соборе, когда они все стояли у саркофага Ярослава, и вошёл он, прибывший из Волыни, жизнь Оды потеряла прежнее спокойствие, а сама она забыла о безмятежных снах и смирении со своей долей. Но разве был какой-то выбор? Она замужем за его братом, а он и сам женат. Никакими усилиями не быть им вместе, потому что судьба распорядилась иначе, выстроив не одну, а ряд преград, невозможных для преодоления. Да и разве смотрит Святослав хоть на кого-нибудь, кроме своей Киликии? Никогда прежде не сравнивала Ода себя с другими женщинами, но когда увидела недавно гречанку, целый час потом смотрела в своё отражение, склонившись над серебряным блюдом для умывания, куда налила чистой воды. А потом куда дольше вспоминала высокий, статный силуэт деверя, его короткую, тёмно-русую бороду, которая скорее подчеркивала красоту и благородство лица, чем скрывала. Представляла, как ложится он на своё брачное ложе возле Киликии, сильный, широкоплечий, с низким и уверенным голосом, как целует свою жену, обнимает. И Оде хотелось плакать, и она плакала. Прислужницы и девушки подумали, что после родов княгиня никак не может прийти в себя – всякое случается с женщинами! Никто не знал истинных терзаний её сердца, да и можно ли было позволить такому быть узанным?

Вячеслав, супруг её, был младше брата на семь лет – ему исполнилось двадцать. В их первую брачную ночь, которую Ода до сих пор помнила, он дрожал, как тонкий лист, зная о предстоящем не больше, чем она сама. Вежливый и кроткий, юноша переволновался и ничего не смог тогда – это она поняла позже, дня три спустя, когда всё-таки смог. Он никак не мог научиться одновременно целовать жену и делать что-то ещё. Если он касался её губ, то замирал, и только потом, перестав целовать, поднимал подол её ночной рубашки. Потом начинал двигаться, и опять сосредотачивался исключительно на этом. А когда всё прекращалось – вновь влажно и как-то глупо целовал. Ощущения на её долю перепадали не очень приятные, но терпимые. Было похоже на неумелую езду на лошади, когда тебя впервые сажают в седло. Ты не в состоянии насладиться беспечной скачкой, тебя только трясёт, да потом натёрты ноги и гудит зад, но всё-таки ты до куда-то доезжаешь, поэтому результат можно считать достигнутым. Ода была уверена, что иначе и не бывает, и радость в браке появляется поутру, когда мужчина и женщина уходят из кровати, расходятся по своим делам, а ещё лучше – когда рождаются дети. Только для них, Оде казалось, это всё и существует. Так и было всё расставлено в её мыслях до тех пор, пока она не увидела Святослава. «Наверное, Господь проклял меня, потому что нельзя думать о том, о чём я подумала, в церкви. Как могло подобное возникнуть в голове под сводами храма?». Но вся сущность девушки взывала к тому, чтобы столкнуться где-то со Святославом ненароком, посмотреть на него на минуту дольше, поймать несколько обращенных к ней слов. Этого хватало, чтобы по ночам, закрыв глаза, не важно, приходил Вячеслав или не приходил, представлять рядом с собой другого.

Вот и сейчас, увидев его, Ода с трудом удерживалась, чтобы не выдать ни одной эмоции. Войдя в свою светлицу, она поскорее присела к люльке с сыном.

– Мой дрогой, – вслух, с ошибками произнесла княгиня. – Мой кляйн конунг...

– Маленький, княгиня, – поправила её оставшаяся при ней девушка, научившаяся кое-что понимать на родном языке Оды и, к тому же, догадываться, что та хочет сказать.

– Да, маленький. Как будет маленький князь?

– Княжич.

– Княжич, – почти удалось повторить Оде. Любуясь своим Борисом, сыном от нелюбимого мужа, она спешно вытерла покотившуюся слезу, надеясь, что этого не заметили. Счастливица Киликия, она родила своих сыновей от такого мужчины! Ода видела взгляды, которыми та обменивалась со Святославом. Они любили друг друга и, такое ощущение, совсем не стремились избегать того, что происходит по ночам между супругами. Им это нравилось? Каков же там, за недостижимым для Оды пологом был Святослав? Болью пронзило осознание того, что после свадьбы Игоря и Адели, до которой осталось меньше недели, им с Вячеславом и сыном придётся уезжать в Смоленск, туда, где наверняка уже никогда она не увидит деверя. Может, оно и к лучшему? Вообразить, что Святослав никогда уже не встретится ей во дворе, в церкви или по дороге к торгу, было настолько ужасно, что краски жизни Оды блекли, и всё угасало, теряло значение. «За что мне посланы эти несчастные, нечестивые чувства? Почему я не могу смотреть такими же влюбленными глазами на Вячеслава?». Упрекать мужа ей было не за что, он с нежностью и заботой относился к Оде, был щедрым на подарки, внимание – любил зайти и поговорить с ней, упражняясь в языках или обсуждая родину Оды – Штаде, чудесное место неподалёку от берегов полноводной Эльбы. Он преисполнился благодарности за рождение сына, готов был порой отказаться от охоты в Зверинце, лишь бы побыть с семьёй. Вячеслав не изменял ей. Хотя за это, пожалуй, она бы на него и не обиделась. Приходи он к ней реже, будет только лучше. Почему так горюет Олисава оттого, что Изяслав не ходит к ней? Стала бы сокрушаться и тосковать Киликия, повадсья Святослав к другой женщине? Но что-то подсказывало Оде, что тем и манит этот Ярославич, ведь точно знаешь – не пойдёт он к тебе, не отвернётся от своей супруги.²⁸

Взявшись кормить проснувшегося Бориса, Ода, с бедой напололам, отвлеклась от своих непростительных дум, начав рассказывать своему первенцу сказку своего детства, о том, как на день рождения к принцу (ей самой рассказывали о принцессе, но она переделала под случай на ходу) явились три феи, принёсшие ему свои подарки: долголетие, удачу во всём и любовь. Правда, её саму запугивали ещё и четвёртой феей, явившейся на праздник без приглашения и причинившей вред принцу, но она это опустила вовсе. Пусть у её сына будет в судьбе только хорошее.

Изяслав и Святослав стояли на крыльце, наблюдая за сражением сыновей на деревянных, тупых мечах. Святополк Изяславич был чуть постарше Глеба Святославича, но уступал ему, и, то не справляясь с натиском двоюродного брата выпускал меч из рук, то проигрывал, падая на лопатки.

– Ну, что ж ты! Растяпа! – крикнул в очередной раз растянувшегося на земле сыну великий князь. Отвернувшись, он похвалил брата: – Хорошо ты своего Глебку наострил. Сам учил?

– Когда было время. А так и с ратниками отправлял тренироваться.

– Дюжий вояка выйдет, уже видно!

– Поглядим, когда настоящий меч в руки возьмёт, – не стал заранее радоваться Святослав. – Хорошо махаться – дело не хитрое, вот по делу махаться – уже сложнее.

²⁸ Зверинец – богатая зверем территория к югу от Древнего Киева, лесистая местность вдоль Днепра, где любили охотиться князья

– К счастью, как отец надавал крепких оплеух печенегам – уж скоро двадцать лет пройдёт – так особых дел и не появляется.

– Опасность всегда непредсказуема. Другие кочевники приблизились к низовьям Днепра, только из-за них печенеги и ушли окончательно, нанимаясь на службу к нам и Византии. Если эти торки, о которых доходят слухи, там расположатся, да ещё будут не менее агрессивными и подлыми, чем печенеги, это затруднит сообщение с Тмутараканью. Придётся мне как-нибудь туда съездить, проведать владения.

– Они теперь в твоём полном распоряжении – наведывайся, когда захочешь! – сказал Изяслав без претензий, но самому показалось, что внёс в интонацию излишнюю покровительственность. Ему бы не хотелось, чтобы младший брат думал, будто он заносится и строит из себя всемогущего кагана. По сути, если бы братья возмутились чем-то точно так же, как в своё время возмутились друг против друга все сыновья деда Владимира, ему бы Киевского престола не видать, он ему не с неба упал, а был дарован общими согласиями и уступкой.

Изяслав покосился на Святослава, но тот ничего и не заметил, крича и подсказывая уже не сыну Глебу, а племяннику Святополку, как лучше держать себя в бою.

– Что ж ты глядишь на соперника, точно он съест тебя? Смелее, если ты в игре не научишься бесстрашно рубить, то где ж ещё?

– Наверное, таланта нет, – тихо заметил рядом великий князь.

– Брось, Из, настоящий мужчина не рождается в готовом виде, для того ему жизнь, опыт и подвиги, чтобы стать кем-то, сделать из себя то, что достойно будет называться мужчиной! – отвлекшись от тренировочного сражения мальчишек, Святослав вернулся к важному: – Что с новостями из Царьграда? О митрополите? Я не успел повидать нормально Всеволода, ему ответили?

– Пока нет, мало времени минуло. Сам подумай, путь-то какой! Наверное, письмо до императора только-только дошло. Я и не жду ответа раньше, чем к концу лета.

В дворовые ворота вбежал гридь. Запыхавшийся, он бежал целенаправленно – к княжескому крыльцу. Добежав остановился и, не переводя дыхание, затараторил:

– Великий князь! С севера, по шляху, что у поповых дворов, конница! ²⁹

– Какая ещё конница? – нахмурился Изяслав.

– Не ведаю, – отрапортовал стражник.

– В каком количестве? – вмешался Святослав.

– Всадников тридцать-сорок, точно не подсчитали.

– Как же их подпустили так близко? Где вестовые?! – злясь, гаркнул Изяслав.

– Одному Богу известно, великий князь! Они будто из леса вышли, а не по дороге приехали...

– Что за чепуха?

Святослав попросил принести свой меч, на всякий случай, Изяслав велел своим гридям сделать то же самое. Подпоясавшиеся оружием, Ярославичи двинулись навстречу неизвестным. Только поговорили об опасности, и сразу невесть что возникает! Как не быть после этого суеверным?

К тому моменту, когда они дошли до Боричева спуска из детинца, стало видно, как за Хоревицей неторопливо двигаются нестройные ряды всадников. Судя по тому, что никакой организации у этого отряда не было, можно было сделать вывод об их мирных намерениях. Да и отряд ли это? Чем ближе он приближался, тем больше походил на сброд, хотя откуда у сброда были бы породные кони? Не разбойничья ли это шайка? Изяслав и Святослав, в окружении сотни дружинников, встали поперёк дороги. Незнакомцев было примерно в два раза меньше. Среди них вскоре разглядели одну женщину, что вовсе повергло в шок присутствующих. Рас-

²⁹ Шлях – дорога

стояние сокращалось, внешний вид сделался хорошо различимым. Вместо плащей на спинах висели серые шкуры, капюшоны были выделаны из голов животных, так что если накинуть их, то звериные морды окажутся на лицах. Несмотря на то, что всадники не состояли из незрелых юнцов, подбородки их были в основном гладкими, и Святослав понял, что они тщательно выбриты.^{30 31}

В нескольких шагах от преграждающих путь, кони остановились. Ехавший первым спешился легко и грациозно, не свойственной грубым, богатырского вида дружинникам манерой. Его чёрные, как смоль, длинные волосы, были как грива зачёсаны назад и переплетены несколькими прядями с украшениями, похожими на амулеты. Такие же чёрные глаза были так густо обрамлены ресницами, что походили на обведенные углем. Изогнутые брови, как крылья ворона в полёте, серебряная серьга в ухе, чёрные одежды, чёрные высокие сапоги под самое колено – незнакомец выглядел непостижимым дикарём из мест, в которых никто из здешних не бывал.

– Несмотря на то, что я не предупредил о приезде, – заговорил он на понятном и обычном для всех языке, чего никто уже и не ожидал, – вы всё равно меня встречаете, как это любезно, братья!

Изяслав почти оскорбился, услышав это обращение. Подоспевший Всеволод хотел громко спросить, кто таков этот явившийся чужак? Но Святослав успел опередить их и, выступив вперёд, увидев, что прибывший высок, как он сам – пожалуй, до них двоих здесь никто не дотягивался, разве что пара прославившихся своим трёхаршинным ростом витязей из охраны великого князя – интуитивно догадался, кого перед собой лицезреет:³²

– Всеслав? – обратился он. Ему навстречу просияла белоснежная улыбка, непривычно обнаженная на мужском лице без какой-либо растительности.

– Он самый, – распахнул приезжий объятия и, переняв инициативу, заключил в них Святослава и похлопал по спине. Всеволод Ярославич позади того перекрестился. – Ну, будем знакомы!

– Всеслав Брючиславич, – отвесил неглубокий поклон Изяслав, после чего тоже принял объятия. – Вот уж не думал, что когда-нибудь повидаемся...

– Меня не известили о смерти вашего отца, – сказал Всеслав, и все напряглись, пытаясь услышать в этом обвинение. Ему ведь действительно никто гонца не посылал, посчитав, что раз никаких связей между Ярославовым домом и той ветвью рода не водится, то и возобновлять нечего. Но голос полоцкого князя был мил, доброжелателен и радушен. – Примите мои соболезнования. Я потерял отца десять лет назад, и знаю, как это тяжело.

– Спасибо, Всеслав, нам всем греет душу твой приезд, – почти искренне заверил Изяслав. Ещё три месяца назад они думали, что Полоцк создаст им проблемы, а теперь наблюдает вежливого, хотя и странного человека, совсем не собирающегося развязывать войну.

– Это что, шкуры убитых волков? – неловко поинтересовался Всеволод, оглядев дальнего родича.

– Это шкуры мёртвых волков, – поправил его Всеслав.

– Какая разница?

– Подумай, – улыбнулся тот ему и, обернувшись, жестом подозвал единственную в своей свите женщину. Из седла выпрыгнула похожая чем-то на Всеслава брюнетка. Её голова не была покрыта, что вызывало несмелый ропот осуждения в толпе, но зато на тёмных волосах ярко выделялся серебряный обруч, инкрустированный жемчугом и янтарём. В отличие от Всеслава,

³⁰ Детинец – центральная часть древнерусского города, одно из названий внутренней городской крепости. Сам город расстилался под стенами детинца, вокруг него, тем находясь в меньшей безопасности

³¹ Хоревца – холм, небольшая гора, возвышенность на территории современного Киева, предположительно нынешняя Юрковица (Лысяя гора). В те времена – в его северном предместье.

³² Аршин – около 71 см, соответственно 3 аршина – около 2 метров 13 сантиметров.

о ней можно было с уверенностью сказать, что глаза её подведены, а потому смотрелись и пугающе, и зачаровывающее. – Это моя княгиня – Нейола.

– Ты привёз с собой жену... – залюбовавшись ею, растерялся Изяслав, как на это отреагировать. Обычно жён возили с собою только в том случае, если намеревались остаться надолго. Насколько же к ним приехал Всеслав?

– Да, моя прекрасная половина не должна скучать дома, – озорно поглядел он на неё, – и куда я сам без неё?

– Сколько можно порог оббивать? – сказал Святослав, разворачиваясь к детинцу Киева. – Пройдём во дворец, отметим знакомство...

– Я слышал от встречных людей, что у вас готовится свадьба? – уточнил Всеслав. – Надеюсь, я не помешаю?

– Напротив! Больше гостей – к почету и славе хозяев дома! Ты будешь почетным гостем, Всеслав! – хлопнул в ладони Изяслав, потеряв их.

– А ты крещёный? – встал на пути Всеслава Всеволод. – Прости, я это спрашиваю не из пустого любопытства...

– Нет, я не принимал христианства, – смело посмотрел в глаза спросившему полоцкий князь. В толпе дружинников и подступивших любопытных опять послышались охи и цоканье языками. Святослав попытался подать младшему брату знак, чтобы тот прекратил это, но тот не заметил.

– В таком случае, прости, но тебе придётся войти не через эти ворота, а вон те, – указал он на Подольские ворота у Копырева конца, – так полагается...³³

Всеслав посмотрел туда, куда ему указывали. Было не так уж далеко, тем более, на лошади. Это не займёт много времени, но сколько отнимет чести у князя, которому указали прочь от главного въезда, туда, где проходили чужаки, в основном купцы, наёмники да разный люд, ищущий для себя какого-нибудь занятия и пристанища. Святослав ощутил пот на лбу, ему хотелось дать затрепину младшему брату, что он и сделал бы, не будь тот уже взрослым мужчиной и не соберись вокруг столько народа.

– Хорошо, – после непродолжительного молчания, кивнул Всеслав, и все выдохнули, – ты... я не расслышал, который ты из Ярославовых сынов?

– Всеволод, – представился тот.

– Всеволод, – запоминая, повторил князь Полоцка, проведя языком по своим ровным, белым зубам, словно облизав и проглотив имя. Потом вернулся к своим всадникам и, взмахнув в седло, чуть надавил на бока коня. – Но! Нейола, друзья мои, едем! Погуляем на свадьбе, раз нас пригласили!

³³ Копырев конец в Древнем Киеве был районом для иноверцев – язычников, зороастрийцев, мусульман и иудеев, всех, кого заносило в православный город

Глава четвертая. «Евнух»

Киликия и Анастасия, жёны второго и третьего Ярославичей, сидели в тереме со своими детьми и нарочитыми девицами, занимаясь рукоделием и поглядывая в окна с третьего этажа, как тренируют князья подрастающих мальчишек. Они были землячками, обе приехали из Царьграда в Киев восемь лет назад, только Настя невестой, присланной отцом, императором Константином для свадебного пиршества, а Киликия уже венчанной супругой с первенцем Глебом на руках, который сейчас, мужающим маленьким богатырём одерживал раз за разом победу над двоюродным братом. Как он становился похож на Святослава! Такой же смелый, рвущийся вперёд ко всему, что его занимало. Безудержный и пылкий юноша – таким она узнала когда-то его отца. Выйдя однажды в предзакатное время окунуться после жаркого дня – дом её семьи стоял на берегу бухты Золотой рог – Киликия, сопровождаемая служанкой, скинула с себя одежду и вошла в воду. Но вскоре заметила, как какой-то случайно забредший парень стоит, остолбенев, и смотрит на неё. Не закричав и не испугавшись, Киликия с достоинством протянула руку служанке, подавшей ей одежду, прикрылась и, выйдя из воды, указала властным жестом незнакомцу, чтобы он убрался вон. Она никогда не была трусихой, ропшущей от мужчин, как лань. Выросшая при братьях, любимица отца, Киликия знала себе цену, и не видела ничего зазорного в том, что кто-то увидел её девичьи прелести. Пусть стыдно будет тому, кто глядел. Но Святославу стыдно не стало. Шедший из Манганского дворца во Влахернские триклинии, где разместили дружину русичей, он немного сбился с пути и, поплутав, решил выйти к заливу, чтобы сориентироваться по нему. Но помимо прибрежной линии наткнулся на прекраснейшее создание, какое встречал до тех пор. Сначала испугано удалившийся, позже он стал искать её, узнавать о ней, кто она и откуда, выпросил её руки за большие деньги – русов, как и варягов, греки не очень любили, считая наёмнической шайкой и диковатым племенем с северного края земли. Киликия для острастки, и чтобы заморский князь не возгордился, делала вид, что всё это ей не по душе, но сама тем временем любовалась его могучей фигурой, расцветающей мужественностью, ясными влюблёнными глазами под серьёзными бровями, напористым и неуёмным желанием добиться своего. Северянин был куда грубее и прямее местных мужчин, но и это нравилось Киликии.^{34 35}

В Византии было намного жарче, чем на Руси, погода большую часть года ласкала человека, там никто не закрывал тела так сильно, как здесь, и откровенные по сравнению с киевскими наряды девушки сводили Святослава с ума. Получив её, наконец, в жёны, он едва не умер от счастья. Она, узнав его ещё ближе, тоже. «Как давно это было!» – приятно окунаясь в омуты памяти, глядела гречанка во двор, когда там возникла суeta из-за прибежавшего гридя. Она заметила суматоху первой, потом и другие девицы с Анастасией.

– Что это? – заинтересовалась она, прислушавшись к звукам, прилетающим в приоткрытое оконце. Но слов было не разобрать.

– Если что-то важное – нам придут и скажут, – орудуя иголкой с красной нитью, отвела взор от мужчин вниз Настя.

– А пожар начнётся, будешь ждать, когда огонь придёт и скажет, что бежать поздно? – озорно покосилась на неё Киликия. Найдя глазами свою приближенную боярыню, она велела: – Пошли кого-нибудь из холопов, пусть разузнают, не приключилось ли чего!

³⁴ Нарочитыми в те времена называли знать

³⁵ Влахерна – самый удалённый от императорского дворца, северо-западный район Константинополя, триклинии – столовые, в которых располагалось по три ложа в форме буквы П, на которых по греко-римским традициям ели полулёжа, с четвёртой стороны заносили еду. Возможно, в них оставались и ночевать.

Та встала и вышла из светлицы. Все вернулись к работе, вышивая нитями или бисером новые одежды, что готовились к свадьбе, иногда отвлекаясь на бегавшего между ними Романа.

– Сядь, Ромушка! – цыкнула тихо на сына Киликия. – Брата разбудишь, видишь, спит маленький? – указала она ему на дремлющего в люльке Настасьиного Владимира. Но Роман Святославович слушаться не захотел и, продолжая вертеться, прогремел уроненной подставкой под лучину. Возмущённая, Киликия проворно поднялась, поймала отпрыска, настучала ему куда следует, увидев зарождавшиеся на глазах того слёзы выговорила ему строго, так что мальчишка передумал хныкать, и села обратно.

– Ох, и на всё-то тебя хватает, княгиня, – с восхищением закачала головой Анастасия.

– У тебя пятеро будет – и не так научишься управляться! Ещё десять рук вырастет.

– Не знаю, у меня после того, как сын родился, будто все силы вышли, до сих пор иногда то там, то здесь ноет.

– Молодая ты ещё, чтобы ныло что-то, – погрозила ей пальцем Киликия, – это с непривычки, Настя, потом ободришься и забегаешь.

– Дай-то Бог, дай-то Бог, – покивала она.

Посланная в разведку боярыня вернулась и отчиталась:

– Говорят, приехал кто-то издалека. Гости.

– А кто именно приехал-то? – уточнила Киликия.

– Этого не знаю!

– Так что ж не спросила?

– Спрашивала, княгинюшка, спрашивала! Никто не знает, но говорят, Ярославичи распорядились столы накрывать у Коснячки.

– А что ж у него? Аль гости не велики? – сузила вдумчиво голубые очи Киликия.

– Сказали, будто бы, – перекрестившись образам в углу, боярыня прошептала: – язычники!

– Ох! – перекрестилась и Анастасия. Жена Святослава чуть не закатила глаза от их жестов. «К чему это усердие? Господь всегда в душе, разве оскорбит его дурное слово? Что есть слово? Всего название, указание, но не сам предмет. Да, Господь сотворил всё сущее словом, но мы же не боги, чтобы наши слова что-то решали! Мы всего лишь говорим, чтобы понимать друг друга, поскольку, изгнанные из рая, утеряли дар небесный понимать без слов».

Любопытство Киликии разгоралось всё сильнее. Ей хотелось хоть глазом посмотреть на прибывших, кто ж они такие? Она с трудом досидела до конца отведённого под вышивку времени, когда пришла великая княгиня Елизавета и сказала, чтобы все шли отдохнуть перед трапезой. Киликия тотчас же отложила иголки, бусины и материи, поднялась, оправила платье и вышла, препоручив приглядывать за сыном своим наперсницам. Накидывая на ходу простой, добротный, но не богатый плат, она надеялась не привлечь к себе внимание, сойдя за горюжанку.

Киевский детинец имел сложную организацию. Великокняжеские хоромы, так называемый Ярославов двор, находился в самой древней части, где когда-то жил легендарный Кий – основатель чудного града. Эта часть расширилась и была укреплена при Владимире Крестителе. Обнесённый высокими бревенчатыми стенами, Киев при Ярославе Мудром стал разрастаться за их пределами. Тут, под стенами старинного поселения, построили Софийский собор, неподалёку от стоявшего особняком терема Ольги, некогда личной резиденции славной княгини, первой из рода принявшей христианство. Тут жена Ярослава и мать Ярославичей, Ингигерда, крещеная Ириной, основала первую женскую обитель, названную её именем, тут расположились самые богатые боярские дома, в том числе боярина Коснячки. И эту, более новую часть, тоже обнесли оградой, оборонительными постройками, валами. Через неё, не выходя за стены детинца, можно было попасть в Копырев конец – купеческий район, район для приезжих и капиров – безбожников.

Выйдя с Ярославова двора, Киликия неторопливо, но деловито – так выглядели всегда все её действия – прошла через Софийские ворота и по мосту надо рвом из старой части Киева в новую. В конце улицы направо, между Жидовскими воротами, ведущими в Копырев конец, и издавна мрачно пустующим Брячиславовым двором виднелось столпотворение. Стараясь не выглядеть наблюдательницей, гречанка держалась поближе к стенам домов. Как назло, ближайшим зданием был поруб, а возле него находится мало приятного, и Киликия вынужденно прошла дальше, делая вид, что ступает куда-то к Ирининскому монастырю. Чем ближе подходила она к скоплению людей, тем интереснее они казались. Серые меховые плащи в начале лета – не частое зрелище. Обычно такой облик попадался у кого-нибудь среди варягов, приехавших повоевать за награду и добычу, но даже те сохраняли разношерстность, а здесь – словно какая-то стая. Замерев на перекрёстке, Киликия не успела решить, куда двигаться дальше, когда услышала над самым ухом:

– Что так привлекло твоё внимание, красавица?

Молодая женщина резко обернулась на приятный, медоточивый голос. Она почувствовала по движению воздуха, что к ней подошли слишком близко, и хотела высказаться о приличиях, но, не успев ничего такого сказать, увидела лицо обратившегося к ней, и засмеялась. Незнакомец, не понимая, что вызвало подобную реакцию, насторожился, но свою улыбку не убрал. Киликия, пытаясь совладать со смехом, уже во вторую очередь заметила на мужчине такой же волчий плащ, как и на тех, что топтались у хором боярина Коснячки, а так же серьгу в ухе и причудливые украшения в волосах.

– Чем я так порадовал тебя, прелестница? – спросил всё тот же голос, низкий и мужественный, но на совсем гладком лице, которое, по представлению Киликии, совсем к нему не шло.

– Прости, красный молодец, да только... мне показалось по речи твоей, росту и стати, что лет тебе много, а вот же беда – борода не выросла!

– Здесь вообще никто не ходит без неё? – огляделся незнакомец.

– Ходят, отчего ж? Юнцы да женщины. Печенег, нанявшиеся к нашим князьям, себе иногда выбривают бороды отлично от русичей, как и варяги. Даже прадед моего мужа, слышала, обривал часть головы и лица, но что б даже без усов? Такое я только у евнухов видела.

– Евнухов? – переспросил приезжий. Гречанка опомнилась, что на Руси такого не водится, и мало кто вне Византии был знаком с этим дворцовым должностным институтом.

– Ну... это такие мужчины, которым доверены некоторые дела при правителе, приглядывать за женщинами, например.

– Приглядывать за женщинами? – заинтриговано приподнялись брови странного собеседника.

– Да. Прежде, когда ещё не существовало Византии, и великий Искандер вёл свои войны, персидские цари доверяли евнухам свои гаремы, – подумав, что это слово тоже может быть неизвестно слушателю, Киликия уточнила: – Гаремы – это собрание жён, язычники имели их в большом количестве.³⁶

– А, как покойный Владимир Святославович?

– Владимир Святославович внял голосу разума и отказался от идолопоклоннических привычек, – чуть посерьёзнев, сообщила молодая женщина. Её не заботили вопросы веры, а вот многожёнство и измены для неё были отвратительны. – Он закончил жизнь праведным человеком.

– А что, – пожал плечами незнакомец, – пожалуй, я бы хотел быть этим евнухом...

Киликия не выдержала и вновь рассмеялась. Её звонкий, заразительный, здоровый смех, наполненный идущим изнутри счастьем, зачаровывал слух.

³⁶ Александр Македонский

– Я опять что-то не то сделал?

– Видишь ли, любезный сударь, – другая бы на месте княгини наверняка залилась краской, стала запинаться и прекратила разговор на эту тему, но она приучена была жить иначе. Ей повезло, что и муж её – Святослав, никогда не пытался перевоспитать жену и заставить жить благопристойной молельщицей. Он наслаждался её задорным нравом, очарованием неумения обижаться и расстраиваться, принятием естественных форм жизни таковыми, какие они есть и должны быть. – Для того чтобы стать евнухом – нужно было кое-чем пожертвовать.

– Кое-чем? Может, оно стоило того, чтобы подобраться к царским жёнам? – прищурился собеседник, радуясь, что разговорился не с какой-то замкнутой христианкой, а раскованной и умеющей подбирать слова девушкой. Это Киликия воспринимала себя взрослой, умудренной жизнью женщиной, но природа покровительствовала ей, и в свои двадцать восемь лет выглядела она по-прежнему молодо и сияюще. Живые глаза, ровная, чуть смуглая кожа, сочные губы – никто бы с виду не догадался, что она уже дала жизнь пятерым детям!

– Может, и стоило, – прыснула княгиня, – но удовольствия уже бы не принесло.

– Не хочешь же ты сказать... – приезжий чужестранец запнулся, начиная округлять глаза.

– Именно! Именно это я и имела в виду, – продолжала хохотать она, – евнухам отрезали то, что делает мужчину мужчиной, и только после этого подпускали к царским женщинам.

– Святой огонь Сварога! – воскликнул он, ударив кулаком по ладони в защитном жесте язычников, чтящих бога-кузнеца, покровителя воинов. – И... и кто-то шёл на это добровольно?

– О, нет, в основном это делали ещё в детстве с рабами. Многие умирали при проведении процедуры, выжившие же иногда дослуживались до больших высот.

– Но разве это имело уже значение? – морщась и едва не вспотев, будто пережил боль и ужас лично, незнакомец попытался отвлечься. Было заметно, что одна мысль о подобном приносит ему страдание. Потряса головой, он опять впился глазами в Киликию. – И ты, увидев меня, подумала, что я... евнух?

– Нет-нет, – постаралась она утешить его, с трудом удерживая новый приступ смеха. – Я лишь вспомнила о них.

Кивнув в знак того, что принимает это объяснение, случайный встречный шагнул, встав рядом с гречанкой, и устремил взор туда же, куда смотрела она до того, как он её потревожил.

– Они кажутся тебе странными? – указал мужчина на смешавшихся с местными людей в волчьих плащах.

– Ты один из них, – ушла от прямого ответа Киликия.

– Да. Мы язычники, и там, откуда мы приехали – это нормально. Ты христианка?

– Да.

– Тебе неприятны такие, как мы?

– Человека делает человеком не вера, а поступки, – повернулась она к нему, – и язычники способны быть благородными и достойными, но кому-то, лишённому собственного понимания добра и зла, только страх перед Богом открывает глаза, разве нет?

– Я думаю именно так. Но большинство – нет. – Помолчав, он и сам тихонько посмеялся: – По крайней мере, у нас, язычников, не извращают природу человека, евнухами у нас делать не принято.

Киликия улыбнулась, и они опять какое-то время постояли без слов.

– Знаешь, почему Брячеславов двор заперт, и никто там не живёт?

– Соседство с порубом лишает спокойного сна? – пошутила Киликия. Незнакомец принял её юмор.

– Не исключено. Племянник недавно почившего Ярослава Владимировича Брячислав, князь Полоцкий, после междоусобной войны, развязанной, по слухам, вовсе не Святополком, – говоривший многозначительно посмотрел на Киликию, и той захотелось сделать ему замечание, чтобы он подобные версии оставлял при себе, но он не дал ей сделать ремарку, – решил,

что имеет больше прав, как представитель самой старшей ветви, ведь его отец – Изяслав, был рождён до Ярослава. Таким образом, он становился наследником, и по всем правилам должен был княжить в Новгороде, куда и двинул свои полки, потому что Ярослав, само собой, отдавать ничего не собирался. Брячислав захватил Новгород, но там было много людей соперника, и он, разграбив город, стал возвращаться к себе в Полоцк. Ярослав нагнал его и разбил. Через год история с походом на Новгород повторилась. Только на этот раз Ярославу угрожал с юга его брат Мстислав, князь Тмутараканский. Он боялся не выдержать войны на два фронта, и послал свою супругу, Ингигерду, вести переговоры. Говорят, что добиться мира она сумела обычным женским способом...

– Тсс! – испугано зашипела Киликия, поражаясь смелым, и явно противным официальной версии речам неизвестного. – Не дай бог услышат князя! Как можно? Это же их мать...

– Я думал, это ни для кого здесь не секрет, но если нет, то ладно, – пожав плечами, он рассказывал дальше, – мир с Брячиславом был заключен, а вскоре и с Мстиславом. Они разделили Русь на троих, договорившись о дружбе. Восемнадцать лет назад умер Мстислав, не оставив наследников. Его часть перешла к Ярославу, поскольку он княжил в центре, между югом Мстислава и севером Брячислава. Брячислав умер десять лет назад, но у него остался сын. – Приезжий ещё раз показал на здание, с которого начал повествование. – Полоцкий князь, замирившись с Ярославом, когда приезжал с ним повидаться, всегда останавливался здесь. Он был язычником, и никто особенно не хотел соседствовать с ним. Война не возобновлялась только благодаря Ингигерде и её уму, Ярослав же с Брячиславом ненавидели друг друга до самого конца. Якобы Брячислав пытался то отравить соперника, то ещё как-то его извести, а Ярослав отвечал ему вечными попытками схватить и посадить в поруб, потому и хоромы ему выделил рядышком. Но ни у того, ни у другого ничего не вышло.

– Ты так складно всё вещаешь, словно сам свидетелем всему был, хотя не должен, лет тебе сколько?

– Четвертина от сотни, не стар и не молод, но, ты права, своими глазами мало что видел – только ушами ловил.

Киликия заметила, что из скопления приезжих, видимо, завидев её, выступил Святослав и, улыбнувшись, пошагал к ним. «Боже, сейчас он выдаст, что я княгиня, приезжий смутится, станет извиняться, что вёл себя так запросто. Я невольно обижу человека!» – однако убежать и прятаться было невозможно, ей пришлось стоять и ждать, пока не подойдёт муж. Заволновавшись, гречанка косилась на реакцию незнакомца, но тот не поклонился и не выказал особых жестов уважения, хотя по всем приметам было ясно, что перед ним князь.

– А, Всеслав Брячиславич, вот ты где! – похлопал Святослав того по плечу, подойдя. – А мы тебя потеряли.

– Да я вот собором залюбовался, – указал он себе с Киликией за спину, пока та приходила в себя и переваривала узnanное, услышав его имя, – какой исполинский! Это ж надо вымахать громадину!

– Да, отец вложил всю душу в Святую Софию, – гордо обозрел храм Святослав и, не то специально, не то не в силах совладать с привычкой, положил ладонь на плечо жены, подвинув её чуть к себе. Мало кто из бояр и князей когда-либо прилюдно выказывал чувства к своим супругам, кто-то считал это ниже своего достоинства, кто-то – неприличным, как, например, Всеволод, но Святослав оставался и уважаемым воином, и нравственным христианином, и продолжавшим не стесняться любви к своей Киликии мужчиной. – Ну что, идём? Столы накрыты, племянник! – с иронией произнёс он. С разницей в два года, они всё-таки были разных поколений. Киликии показалось, что неувовимо муж указал гостю на его место – младшего и подчиняющегося, однако это могла заметить лишь она, хорошо зная Святослава, потому что тон его был безукоризненно вежливым и гостеприимным.

– Идём, Святослав Ярославич, идём, – с благодарностью поклонился Всеслав и, бросив напоследок взгляд в глаза Киликии, поклонился ей тоже. В лице его промелькнуло что-то необъяснимое и не понятное для неё, точно с нею успели вступить в заговор, а она того и не заметила.

Глава пятая. «Пир»

Когда Святослав подвёл Всеслава к дому Коснячки, в котором были накрыты столы, тот протянул руку Нейоле и, не замечая протестующих и негодующих взоров, повёл её к входу. Понимая, что кроме него, как обычно, никто не решится вмешаться, второй Ярославич осторожно обратился к гостю из Полоцка:

– Всеслав... ты и супругу с собою ведёшь?

– Да, а что такое? – северный князь огляделся, пытаясь уразуметь причину неловкости и не нашёл ни одной другой женщины. Будучи догадливым и внимательным, он спросил: – У вас не принято обедать вместе с жёнами?

– На больших торжествах, вроде грядущей свадьбы, собираются все без исключения. Или же на скромной семейной трапезе. Но на таких вот мужских пирушках...

– Моя княгиня имеет ровно то же положение, что и я сам, – беспрекословно, но безумно вежливо, отчеканил Всеслав. – Она будет сидеть рядом со мной. Если вы не против?

Святослав хотел бы иметь рядом человека, смыслящего в таких ситуациях лучше, чем он сам. Или хотя бы Изяслава, который бы мог взять ответственность на себя, нарушая традицию весом своего каганского титула, но старший брат уже ждал внутри, а возле него стоял лишь Всеволод, глазами просящий отстоять их порядки. Виданное ли дело – женщина на мужских посиделках!

– Я не против, – решил ответить Святослав только за себя, но никто не стал ему противоречить и все повторили смиренное принятие обычаев приезжих.

Молчаливая Нейола с гордой посадкой головы и чёрными, прожигающими глазами, холодно улыбнулась Святославу не то с благодарностью, не то с одобрением его благожелательности, и прошла под руку с Всеславом в боярский дом. Всеволод подался к брату, зашептав ему на ухо:

– Почему ты не остановил его? Почему не воспрепятствовал этому... этому неслыханному попранию приличий!

– Успокойся, ничего страшного не произошло, – осадил его Святослав. – Если ты хочешь, чтобы он уважал наши порядки, начни с того, что уважай его порядки!

И он поспешил догонять гостей, войдя с ними в пиршественную залу почти одновременно. Изяслав уже начал попивать принесённые мёды, переговариваясь и смеясь с Коснячкой, любезно предоставившим свой кров для сходки. Дочь его и была нынешней полюбовницей великого князя, но боярину была не так важна её честь, как те выгоды, которые сулил сговор с Изяславом и попустительство его развлечений. За считанные недели Коснячко возвысился и обогатился, закрывая глаза на ночные похождения в их дом.

При появлении Всеслава с Нейолой шум стих, и Изяслав, подняв голову, увидел, с чем связано напряженное молчание. Некоторые воеводы и бояре хмурились от столь неожиданного появления женщины, некоторые, особенно дружинники помоложе, напротив, с интересом и любованием оглядывали полоцкую княгиню, обладающую своеобразной, резкой северной привлекательностью. Возможно, красавицей её было не назвать, потому что в ней не было привычной округлой мягкости местных славянок и их женственности, но контрастность белой кожи и чёрных волос, точёные изгибы подбородка и тонкого носа всё-таки были способны вызывать восхищение. Особенно в паре с её невероятным чувством достоинства, которое она несла, подобно царице.

– А, вот и дорогой родич! – не надумал ничего сказать по поводу Нейолы Изяслав и указал напротив себя место Всеславу. – Садись поближе, мы ждали только тебя, всё уже накрыто, угощайся.

– Спасибо, любезный дядя, – покосившись на Святослава, назвавшего его племянником, просиял гость и поклонился великому князю. – Мы с моими людьми действительно в пути проголодались.

– Это быстро исправим! – веселился Изяслав, наблюдая, как прислуга занесла ещё два блюда с окороками и свежесдобитый ржаной хлеб. Потом его взгляд опять упал на Нейолу. Киевлянок он уже каких только не видывал, а вот из чужеземок редко попадалось что-то стоящее, ведь путешествовали в основном мужчины, потому и встретить иностранку случай представлялся не часто, что и говорить о высокородных и прекрасных. Вот только печенежских женщин было вдоволь, да те все низкорослые, кривоногие и будто бы без талии. – Не будет скучно твоей жене с нами? – не выдержал Изяслав, стараясь не обличить свой зажегшийся к полоцкой княгине пыл.

– Она привычна к тому, чтобы всегда быть со мной, – посмотрел на неё любовно Всеслав и – многие разве что не ахнули от зрелища – поднёс её руку к своим губам и поцеловал. Самые старые, бородатые бояре отвернулись от приезжего, пряча гневливые взгляды в тарелках. Прилюдно целовать жену! Да хоть бы и в руку – какое-то унижение! Мужчина он или всё-таки недаром сбрил всё с лица? Ни стыда, ни истинной мужеской повадки. Изяслав посмотрел на это спокойно, единственное, чего ему захотелось – это тоже поцеловать руку Нейолы, или хотя бы услышать её голос, до сих пор не прозвучавший ни разу.

Вселав заметил задушенные возгласы и очередные укоры в глазах присутствующих. Положив ладонь жены, он взялся за еду, но прежде, чем набить рот, обратился ко всем, будто прося прощения:

– Я, кажется, веду себя немного не так, как здесь принято? Я прошу о снисхождении, мы живём немного в стороне от больших дорог и остального мира, в наших лесах, если не одичаешь, – хохотнул он, – то в любом случае немного забудешь, как не попадать впросак.

Изяслав показал жестом, что его ничего не покорило. Кто-то из ранее возмущившихся увидел искренность в полоцком князе, им польстило его признание своего несколько отклоняющегося поведения, и они вздохнули с облегчением – что с него взять, северного отшельника! Ничего, побудет в Киеве, пообвыкнется, снова станет цивилизованным человеком. Великий князь, тем временем, допив свой кубок, ощущал растекающееся по телу вожделение и, чтобы переключиться на другой, возможный и доступный объект, он обратился к Коснячко:

– Может, позвать Ладу? Чтобы княгине не было так одиноко...

– Если надо, князь, мигом позову! – поднялся боярин и дёрнулся к дверям во внутренние покои.

Всеволод, ещё не успевший сесть и обдумывавший каждый поступок язычника, торопливо подошёл к старшему брату и, наклонившись к самому его уху, рыно зашептал, чтобы не слышал никто другой:

– Ты что, свою любовницу за один стол с княгиней?! В своём ли ты уме?!

– Лада – боярская дочь! – шикнул Изяслав. – Сядь и успокойся!

Третьему Ярославичу ничего не оставалось, как отойти и послушно усесться рядом с младшими братьями, Вячеславом и Игорем. Те, по юности и неопытности, не заразившись ещё от умудрённых старейшин надменным осуждением всего, что входило в противоречие с их представлениями о правильном мироустройстве, наслаждались общением с приезжими, новыми людьми, рассказывавшими, как и что у них в Полоцке.

Через некоторое время в зал вошла девушка лет семнадцати, с толстой русой косой. Ещё незамужняя, она могла не покрывать голову у себя дома. Никакого смущения она не выказала, а вместо этого, обрадованная, что её пригласили к общему веселью, опустилась на скамью рядом с отцом, прямо глядя большими, простыми и любопытными глазами на чуть капризном лице. Святослав посмотрел на Всеслава, ожидая, что тот спросит – не княгиня ли это Изяслава? Вот тогда начнётся неприятная история. Придётся объяснять, что это не она, и, в лучшем

случае, рассказы остановятся на уточнении, что это хозяйская дочка, а потому сюда и пришла. Но полоцкий князь был увлечён едой, за которой слушал болтающих вокруг. Ему, казалось, нет дела до входящих и выходящих. Иногда он делал глоток из своего кубка, но не усердствовал. Святослав с уважением отметил эту умеренность племянника, и сам не любя напиваться, в отличие от Изяслава и многих дружинников.

– Ну, – вытерев усы тыльной стороной ладони, оторвал от сочного куска мяса Всеслав Изяслав, начавший хмелеть, – откуда же ты всё-таки узнал, что батюшка наш скончался?

– Через мои земли лежит дорога в Псков. Некие путники остановились на ночлег в Усвячи и, как выяснилось, они ехали из Киева, чтобы осведомиться о Судиславе. Они-то и рассказали людям, что у вас случилось, а люди, как известно, новости разносят быстро.

Изяслав нахмурился от того, что при всех упомянули Судислава. Ощущение неустойчивости своего положения давало о себе знать порой по пустяковым поводам. Ох уж этот до сих пор живой дядька, которого держи не держи в порубе, а всё равно кто-нибудь может посчитать его более законным претендентом на княжение!

– Дорога в Псков, – сказал, поправляя, Святослав, – лежит твоих земель, а не них. *вдоль* *через*

– Давно ли ты там бывал, Святослав Ярославич? – заулыбался, как и всегда, Всеслав.

Черниговскому князю пришлось признать:

– Я никогда не бывал в той стороне.

– Тогда я уточню. После заключенного более тридцати лет назад мира между нашими отцами, ваш согласился с тем, что Усвяч и Витебск – владения моего отца. Именно мимо них идёт дорога в Псков. Можно проехать и западнее – не спорю, сделав хороший крюк с лишней сотней-другой вёрст, и та дорога к моему княжеству не имеет никакого отношения.

Святослав хотел было настоять, что дорога, о которой говорит Всеслав, всё равно именно пограничная, а не полоцкая, но решил воздержаться от спора сейчас. Лучше поговорить потом с князем с глазу на глаз, разяснив неправоту того.

– Эдак, если мы куда-то лично не наведаемся, – засмеялся Изяслав, – ты себе всю Русь в удел запишешь?

– У меня нет стремлений расширять свои земли и захватывать чужое, – скромно и мягко отметил Всеслав, – но уж что мне принадлежит – то моё.

– А это сплошные болота да лесная глушь, – вдруг произнесла Нейола, дав услышать свой глубокий, немного низкий, терпкий голос жительницы непролазных чащоб. – Никому, кроме нас, не нужны окраины, соседствующие с племенами, до сих пор живущими в землянках и не понимающими нашего языка.

Изяслав опять с удовольствием припечатал к ней свой взгляд. Что за женщина! И вынуждена прозябать на каких-то трясилах, вместе с безбородым муженьком, укрывающимся в лесу волчьей шкурой, наверное, чтобы не быть замеченным разбойниками. Впрочем, рассказывали, что Полоцк – большой и богатый город, возможно, не всё так плохо у этих северян.

– Давайте же, наконец, выпьем за встречу, – поднялся Святослав со своим кубком и, поклонившись племяннику, произнёс: – Эта первая встреча стала приятным знакомством и, я хочу надеяться – все мы надеемся на это – что наши родственные связи возобновятся и укрепятся добрососедскими отношениями. Спасибо, Всеслав, за то уважение, которое ты нам оказал, приехав повидаться, ведь не всякий двинется в далёкий путь, узнав, что случилось горе. Да, мы потеряли в этом году отца, но, убеждён, обрели друга и брата! За встречу!

– За встречу! – поднял кубок Всеслав, тоже встав. Все мужчины последовали их примеру, и только Нейола с Ладой остались сидеть, отпивая из своих серебряных чаш.

Осушив до дна свой кубок, Изяслав бросил холопу у стены, что приглядывал за достатком пищи на столе:

– Вели звать Баяна! Пусть споёт нам свои песни!

- Тот самый Баян? – изумился Всеслав. – Неужели ещё жив? Я слышал о нём от отца.
– Да! Этот старик уже давно ослеп, но его голос и дар сказителя всё те же!

Не прошло и часа, как ввели старого гусяра, которому уже никто не помнил, сколько лет. Но первые свои былины он напевал, аккомпанируя себе на гусях, ещё при последних годах жизни Владимира Святителя. Благодаря своей памяти, слепой старец являлся хранителем историй и правды о событиях, которым был свидетелем, но не всегда эти сказы нравились князьям, а потому, имевший в своём репертуаре не одну былинку о вражде Ярослава и Брячеслава, Баян выбрал другие, о походах Владимира против печенегов, о великих богатырях, сражавшихся с кочевниками, о победах русичей на полях сражений.

Радостное пиршество продолжалось, хмельные напитки лились рекой, настроение было приподнятым и только двое хорошенько набравшихся дружинников подрались из-за нелепого спора о том, где волки крупнее, в полоцких лесах или норманнских, за Варяжским морем. Само собой, затейниками свары был варяг из наёмников и один из тех, кто приехал с Всеславом. Но после того как их разняли, они вновь пили вместе и смеялись. Изяслав держался долго, но возлияния доказали свою действенность, и великий князь, пошатываясь, удалился в светлицы Коснячки, куда незаметно за ним выскользнула и Лада. Не обращая внимания на то, что киевский князь ушёл, остальные продолжали пить, провозглашать тосты и закусывать. Наслушавшись былин, под которые пилось особенно легко и приятно, дружинники приплясывали под мелодию струн. Старик уже не напевал, а молча перебирал пальцами. Святослав, убеждаясь, что всё идёт, как надо – все дружны и удовлетворены, тоже потянулся на выход. Ночь давно наступила, и ему не хотелось заставлять Киликию волноваться. Всеволод ушёл раньше, так что за старшего оставался Вячеслав. Видно было, как двум младшим нравится вся эта атмосфера молодецкой удали и шумной попойки. Тем более, к позднему часу пожилые и зрелые расходились, и оставалась лишь самая бодрая и неутомимая молодёжь, не сдерживаемая авторитетным присутствием, при котором обычно и развернуться-то на всю широту души не представлялось возможным. Подойдя к Вячеславу, спяну выторговывающему волчью шкуру какого-то полоцкого парня на свой роскошный, расшитый плащ, привезённый купцами из Византии, Святослав похлопал его по плечу:

- Больше не пей! Проследи, чтобы всё закончилось мирно, понял?

– Понял, брат! – немного протрезвел тот и, приосанившись, сразу же поискал глазами Игоря, удостоверившись, что остаётся не один.

Отметив, что Всеслав любезничает с Нейолой, по-прежнему не напившийся и спокойный, Святослав выдохнул и отправился на Ярославов двор.

Ода не могла сомкнуть глаз. С тех пор, как в Киев приехал Святослав с Киликией, каждая ночь превращалась в пытку. Но вместе с тем было и странное, дурное наслаждение от того, что этот мужчина поблизости, где-то под этой же крышей, пусть с другой и не думает о ней, Оде, не может думать, а всё-таки он ходит по одним с нею лестницам, полам и дорожкам. Она может увидеть его, вблизи или издалека.

Сегодня приехал незванный и внезапный гость, как сказали – полоцкий князь. Ода жила здесь чуть больше года, и ещё толком не понимала всех перипетий дипломатии и политики киевских князей, но что-то долетало до её слуха, что-то она чувствовала и самостоятельно. Почему-то к приезжему относились с настороженностью и подозрительностью. Он был каким-то близким родственником её мужа и его братьев, судачили, что должен разделить с ними правление. Разве так можно? «Ох, ничего я в этом не понимаю!» – думала Ода, лежа в кровати. Вячеслав не шёл, и ей от этого делалось хорошо. Вдруг и вовсе не придёт из-за пира? А придёт ли к Киликии Святослав? И опять начиналась мука. С одной стороны радость от отсутствия мужа, с другой – горечь от того, что нет возможности бросить хоть взгляд перед сном на деверя, и тот в любом случае пойдёт к жене. «Я ужасная женщина и большая грешница» – обвинила себя Ода. Встав с постели, она подошла к иконам, в угол, но даже молитвы не шли

на язык, сбивались. Имеет ли она право, зарясь на чужого мужа, обращаться к Богу? Она подкралась к люльке с сыном. Маленький Борис Вячеславович сладко спал. Всё тихо, всё в порядке. Может, пройтись немного по двору? Ночной воздух порой помогает призвать сон.

Одевшись и покрывшись платком поверх повойника, Ода осторожно, чтобы никого не побеспокоить, выбралась на улицу. Ни шороха, разве что со стороны конюшен, где шевелились животные. Безлюдный двор светлел притоптанной землёй и погружался по каёмке, вдользданий, в абсолютно чёрную тень. Осматриваясь и медленно, неуверенно шагая, Ода обошла церковь святого Феодора и остановилась. Впереди были Софийские ворота, ещё не запертые, значит, князья не вернулись. Но у них стоял караул. Мимо него не пройти незаметно, а заметить – что ему скажешь? Стыдно замужней женщине топтаться по городу одной, ночью. Но тяга была выше Оды, и она, сама не замечая того, вновь сделала несмелые шаги. Поправляя платок от волнения, она приблизилась к гридю. Тот вытянулся, заметив, что кто-то идёт. Княгиня ждала, что ей что-нибудь скажут или зададут вопрос, но её уже хорошо знали в Киеве, а у ворот горели факелы. Признав в лицо княгиню, охранник пропустил её без слов, и вот, она уже пересекла мост через ров и слышала шум и гам в конце улицы, за Брячиславовым двором, в доме боярина Коснячки. Не успела она подойти туда ещё хотя бы на несколько саженей, как на дороге от упомянутого дома выделилась тень. Силуэт одиноко шёл размеренной и чуть уставшей походкой по направлению к Оде. Испугавшись, что это может быть муж, который наверняка спросит, что носит её среди ночи, девушка отступила к стене поруба. Но по мере приближения тёмного контура, она безошибочно опознавала его. Ни у кого больше не было таких широких и ровных плеч, ни у кого больше не было такой стати, таких весомых и внушительных шагов. Святослав! Поблагодарив Бога за удачу, Ода вжалась в стенку и не дышала, пока деверь проходил мимо. Весь в своих мыслях, собранный и серьёзный, он прошагал по улице, по мосту через ров и скрылся за Софийскими воротами, откуда только вышла сама Ода.

Несколько минут она не помнила себя, забывшись в прекрасном видении. Ей хотелось упасть на землю и тронуть пальцами его следы. Ей хотелось броситься вдогонку и, нагнав его, обнять со спины, испытав хоть раз в жизни, каково это – касаться этого мужчины. И пусть потом будет позор, монастырь – что угодно! Хоть бы раз на её щёку опустил его ладонь, хоть бы раз её губы познали его губы, а не Вячеслава. Уткнувшись в стену поруба, Ода беззвучно заплакала. Плечи её тряслись. Вот она – настоящая тюрьма, в сердце, в браке, а не эти укрепленные камни с крошечными оконцами, замурованными решётками. Уж лучше бы в порубе сидеть да с любимым, а то и воля не сладка, и свобода не нужна. Да и есть ли они у неё? Привезли, выдали замуж, соблюдай всё, что предписано. Где же радость, где счастье? Вот только сын душу и греет. А у кого-то их уже четверо, да ещё и дочь в придачу! Везучая Киликия! Как она угадала, где родиться и кому встретиться в нужный час? Теперь вся жизнь впереди точно сахар. Разве же с таким, как Святослав, будешь ночами плакать и не хотеть, чтобы он возвращался с пира? Ода вспомнила влажные поцелуи Вячеслава и зарыдала сильнее. «Пусть только один сын, довольно и этого, я не хочу вновь его в своей спальне, не хочу делать с ним то, что положено жене, не хочу!».

– Ты плачешь?

Ода вздрогнула и, едва не подпрыгнув от испуга, приложив ладонь к груди, обернулась. В темноте было и не разобрать, кто перед ней, но голос был незнакомым, хоть и приятным.

– Я... нет! Я не плакать, – вытерла она спешно глаза, чем разоблачила себя окончательно.

– Тебя кто-то обидел? – продолжил расспрос неизвестный.

– Нет-нет, кто может обидеть княгиня? – натужно улыбнулась она, стараясь говорить медленнее, чтобы снизить заметность акцента.

– Например, князь?

– Муж имеет право обижать жена. Мне не на что жаловаться.

– Но и нечем хвалиться, как я погляжу? – засмеялся молодой мужчина напротив. – Не всякий князь тебе муж. Как зовут тебя, княгиня?

– Я Ода, а ты?..

– Всеслав. Брячиславович, – уточнил он себя отчеством, и в ночи засияла его лукавая белоснежная улыбка.

– Ты тот, что приехал из Полоцка сегодня? – успокаиваясь, шмыгнула носом Ода и приосанилась, хотя ей казалось, что теперь она умрёт от стыда и ничего уже не заставит её посмотреть в глаза собеседнику, увидевшему её слабость.

– Он самый. Я знаю, что тут прошёл Святослав. – Ода напряглась, даже во мраке предпочтя опустить глаза. – Он очень умный, не так ли? Самый сметливый из всех Ярославичей.

– Я не знаю, я всего лишь женщина и плохо понимать в делах. К тому же, я приехала из Штаде, и два раза... дважды плохо понимать в делах.

– Вдвойне, – подсказал ей Всеслав.

– Да, вдвойне.³⁷

– О чём же ты плакала, Ода? – Поняв по её упорному молчанию, что ответа не дожждётся, Всеслав продолжал разговаривать, будто сам с собой. – Вячеслав остался пировать, ему там, похоже, очень нравится. До утра он отсюда не выберется, пока не станут расходиться последние. – Его тонкий слух уловил лёгкий вздох облегчения, сопровождаемый расслабленным движением плеч. – Ты бы хотела, чтобы он всегда так задерживался, правда?

– Он мой муж! – возразила Ода, ощущая себя преступницей. Этот человек, что стоит перед ней, не читает ли он её мысли? Служанки вечером болтали чепуху, будто Всеслава зовут Чародеем. А если это так?

– И что же? Ничто не вечно, никто не вечен, Ода. Нужно только знать, чего ты хочешь.

– Я всем довольна, конунг, большего хотеть нельзя.

– Ну, что за мелкая, ненужная ложь? – придвинулся он к ней и, вопреки тому, что ей очень хотелось отступить и уйти прочь, она почему-то продолжала стоять, пока он ласковым, отеческим, но всё-таки непозволительным жестом погладил её по щеке. Так, как ей хотелось, чтобы сделал Святослав. Всеслав прошептал: – Ты не хочешь быть женой Вячеслава. Ты хочешь другого!

– Нет! – отпрянула испуганная Ода. Но полоцкий князь настойчиво сказал:

– Любые желания исполняются. Желанное может прийти в руки, а ненавистное исчезнуть. Нужно лишь иметь терпение. Вскоре ты в этом убедишься, – кивнул ей Всеслав и, ничего больше не говоря, развернулся к Брячиславову двору, который открыли впервые за долгое время, привели в порядок и подготовили для того, чтобы там расположились гости. Ода и моргнуть не успела, как он растворился в темноте ночи. По спине у неё до сих пор бежали мурашки, вызванные разговором и прикосновением к щеке.

«Значит, Вячеслав не придёт сегодня. Это хорошо. Но меня пугает этот человек, очень пугает! Верно говорят, не нужно выходить из дома по ночам, нечисть и злые духи могут прицепиться!» – и княгиня поспешила обратно на Ярославов двор.

Святослав скидывал с себя одежду, раздеваясь. Киликия ещё не гасила свет, зная, что он придёт. Её готовые и ждущие объятия нетерпеливо взбивали подушки, пока глаза смотрели на тренированное и закалённое боями тело мужа. Крепкие его руки развязали пояс, отложили рубаху. Широкая грудь обнажилась, к ней так и хотелось прильнуть. Но на лице Святослава отражались неугомонные мысли, не дающие к нему подступиться.

– Этот Всеслав... он мне вроде бы нравится. Но мне не нравится его приезд! – выпалил князь. Киликия польщено подумала, что муж приревновал её и злился из-за дневного столкновения, поэтому игриво спросила:

³⁷ Да (нем. яз.)

– Почему же?

– Потому что это всё не просто так. Я не верю, что полоцкий князь стал бы выдвигаться в такую даль, только чтобы выказать нам свои соболезнования. Он что-то задумывает. Приехал оглядеться? Найти слабые места? У него не хватит сил для борьбы, а он не кажется дураком, не понимающим этого, так что вряд ли отважится на открытую войну. И, представляешь, он заявляет, что дорога на Псков – это его территория!

– А это его территория? – без интереса, разочарованная тем, что муж никак не отозвался о ней, не показал, что боится потерять не только княжество, но и её, свою жену, спросила Киликия. «Все мужчины такие, когда добиваются и ухаживают – горы сворачивают, а потом, когда идёт время, они считают, что мы, женщины, сами превращаемся в неподвижные горы, которые никуда не денутся. Знали бы они, как часто это обижает! Да, я жена, и я всегда буду делать всё, чтобы сохранить нашу любовь, чтобы угодить мужу и чтобы поддержать его, но не справедливо ли ждать чего-то и от него? Вступив в правление после смерти отца, он только и думает, что о Руси, о делах Изяслава, о торках, о Византии, а теперь ещё и Всеславе. Он думает о чём угодно, но не обо мне, как когда-то».

– Нет, это не его территория, – разделся до конца Святослав, сохранивший эту привычку с византийского похода. Спать в чём-то тогда было жарко, а с тех пор и ни к чему, потому что редкую ночь он проводил без Киликии, которую предпочитал ощущать всем телом.

Лёгший рядом с женой, он уставился в потолок и продолжал думать. Столько всего навалилось! Нужно отыграть свадьбу Игоря, а тут этот приезд!

– Представляешь, – продолжил делиться Святослав, – он ввёл за собой на пир свою жену, Нейолу.

– Серьёзно? – уже с большим любопытством приподнялась на локте гречанка.

– Да, она сидела с нами со всеми, правда, почти всё время молчала.

– И как он это оправдал?

– Сказал, что его княгиня занимает ровно такое же место, как и он сам.

Киликия вспомнила встречу и краткое знакомство с Всеславом. Он вёл себя не совсем так, как здешние мужчины. Он действительно обращался с женщиной, как с равной, шутил и делился историями. Если он ещё и в княжении считает женщин не менее достойными, чем мужчины, то это заслуживает уважения. В детстве и юности, до венчания со Святославом, Киликия росла среди братьев, с отцом и дедом, кроме неё и матери в семье были одни мужчины, но никогда не чувствовали они себя подчинёнными или бесправными, напротив, братья всегда заботились о сестре, из-за чего девушка и выросла смелой, своенравной и знающей себе цену. Когда же пришлось приехать сюда, то Киликия в полной мере узнала замужнюю долю жены русича, особенно княжеской жены. Ходить непокрытой – неприлично, ходить одной – неприлично, вмешиваться в дела мужа – неприлично, говорить вперёд мужчины или перебивать его – неприлично, купаться в реке с девками – неприлично, забраться верхом на коня – неприлично. Откуда же тут выискался Всеслав?

– Может, мне в следующий раз тоже с тобой пойти? – сказала Киликия Святославу. Тот поднял голову и, нахмурив брови, запустил пятерню в густые, выющиеся серпантинном локоны женщины.

– Ещё не хватало, чтобы там глядели на тебя, как сегодня на Нейолу, и думали, бог знает что! – князь притянул к себе лицо супруги и властно поцеловал. Немного насытив этим неподдельным порывом свою страсть, Киликия положила ладонь ему на грудь. Но Святослав опять понёсся куда-то своими думами, переваривая прошедший день. – У него странные манеры, они шокируют наших стариков, но мне бы не хотелось, чтобы в этих ничего не значащих мелочах нашли повод для склок.

Киликия убрала ладонь и, скинув с себя покрывало, голая, спустилась с кровати, начав её обходить. Ночная рубашка лежала по другую сторону, она сбросила её на сундук у двери, к которой направлялась.

– Куда ты? – сел от неожиданности Святослав.

– Пойду, тоже шокирую парочку воевод и бояр своим видом, может тогда стану тебе немного интереснее.

Святослав опешил. Только его греческая жена могла выдать что-то в этом духе. Изредка они с братьями, но без подробностей, делились моментами семейной жизни, да к тому же, Святослав сам видел и знал, как ведут себя женщины вокруг, поэтому всегда поражался той лёгкой безуминке и гордой сумасбродности, с которой Киликия отстаивала свои права. Сначала, в первые месяцы после женитьбы, его вводило в ступор то, что девушка так же просто и откровенно заявляет о своих плотских желаниях, как парни, и требует от мужа того, чего другие девицы боялись и сторонились. Но со временем он влюбился и в эту черту Киликии, оценив. Куда приятнее было ложиться со страстной и темпераментной женой, а не растерянной и зажатой.

– Лика! – рывком оказался он у двери, предотвратив побег жены и подхватив её. – Ласточка моя заморская, куда ж тебя понесло, боже? – он, вопреки сопротивлению, уложил её в постель и накрыл собой, подмяв. – Куда ж я тебя отпущу? Никуда! – Он поцеловал её, но чуть не получил укус за нос.

– Если ты будешь приносить в голове в нашу постель всех этих людей – я перестану тебя спрашивать, отпустишь ты меня или нет!

– Неужели ты думаешь, что я способен потерять интерес к тебе? – посмотрел он в её переливающиеся бирюзой глаза. Киликия посмотрела в его очи, оглядела всё его лицо. Разве можно быть в чём-то всегда уверенной?

– Я не хочу думать, любимый мой. Я хочу чувствовать твой интерес. Всей душой, и всем телом.

Погладив рукой по её волосам ото лба и до середины длины, по упругим локонам, рассыпавшимся по подушке, Святослав алчно впился в её вишнёвые губы. Дневные дела тотчас улетучились, а обнажённая женщина под ним стала единственно важным, осязаемым и терзающим его неуголнённую плоть.

Глава шестая. «Охота»

Солнце ещё не поднялось над горизонтом, но предзнаменование его, розовеющее по отступающей ночной сини, разливалось по небу, отражаясь на листве, покрытой росой траве и верхушках крон деревьев. Киликия проснулась, потягиваясь обнажённым телом, скинула покрывало. В прогретых светлицах, находящихся под крышей, было душно и влажно почти как в бане, древесный и человеческий дух стоял вокруг, спёртый ароматом горевших вечером свечей и удовлетворенной, распаренной плоти. Святослав крепко спал с сосредоточенным даже во сне лицом, положив большую и сильную ладонь себе на грудь. Жена осторожно погладила её кончиками пальцев и, дотянувшись невесомым поцелуем до бородатой щеки, соскользнула с кровати. Плеснув в таз воды, чтобы умыться, Киликия почувствовала, что та тёплая, и плохо освежит её со сна. Нырнув в просторную льняную рубаху, она ещё раз убедилась, что муж дремлет, приоткрыла оконце, чтобы проветрить к его пробуждению комнату, задержала на нём заботливый взгляд и вышла. Первым порывом было пойти к детям, но сразу же вспомнилось, что младшие, Давыд, дочка Вышеслава и годовалый Олег остались в Чернигове, а старшие, приехавшие с ними, уже больше воспитывались отцом. Хотя мальчишки и любили материнскую нежность, радовались её приходу, но Киликия в этом была послушна Святославу, и постепенно отстраняла их от этих ласк, чтобы они превращались в мужчин и оставляли детство в прошлом. Ещё чуть-чуть, и Глеб возьмёт в руки настоящий меч, а не тренировочный. Дайто бог, чтобы причин для его использования не появилось, но если так заботящие Святослава торки окажутся не пустой болтовнёй, то у каждого способного держать оружие должны будут найтись и умения, и храбрость, и закалённое сердце, не дрожащее перед трудностями.

Киликия вышла во двор. Отовсюду доносилось кукареканье петухов, будто они вели перекличку. Захватившая с собой платок, она увидела первых просыпающихся дворовых, и накинула его на волосы. В родном доме, где родилась и выросла, она могла свободно выходить неприкрытой, но тут такого позволить себе нельзя, если ты уже замужняя. Киликия вышла через ворота на Боричев спуск и, не доходя до конца к Торговищу, где делалось людно даже в этот ранний час, свернула правее, по подножью холма, вниз к Почайне. Здесь ещё стояла тишина, если не считать щебечущих соловьёв да скворцов в кустах. Сняв сандалии, молодая женщина приподняла подол и с удовольствием пошла по прохладной земле, задевая щиколотками мокрую траву; капли росы омывали ноги, кожу щекотали стебли подорожника и клевера. Над Почайной ещё стоял молочный туман, закрывающий её слияние с Днепром, но покрытый лесом берег между ними виднелся в этой густой белёсой дымке, как малахитовый остров, выступающий из морской пены. С луговины пряно и сладко тянуло травами, над которыми начинали жужжать пчёлы: ромашки, одуванчики, васильки, маки пестрели, как бусины на вышивке нарядного платья. У русичей цветы были до смешного мелкими по сравнению с теми, что цвели в садах Царьграда, с большими бутонами, пахучими, как сладкие дыни и персики. Здесь же поля пахли мёдом и горечью, земляникой и полынью, но Киликия привыкла к этой простоте и неброскому очарованию. Она оставила луговину по левую руку, которой гладила, проходя, высокие метёлки таволги и кипрея, спустилась к воде вдоль цветущей калины, из которой выпорхнули потревоженные птицы. Киликия посмотрела на очень медленно растворяющийся туман, на не слишком пока светлое небо – уступая утренней лазури, оно ещё не выпустило из плена жёлтых лучей солнца. Воздух был влажен и прохладен, земля у реки совсем остыла, поэтому Киликия не стала медлить и, сняв платок и рубаху, пошла в воду. От холода по коже пробежали мурашки, но гречанка смелее окунулась с головой и отплыла немного, чтобы спокойно ополоснуться – в укрытии призрачно-белой завесы. Бухта Золотой рог, в которой она научилась плавать, всегда была тёплой, хоть днём, хоть ночью, в любое время года, на Руси же пришлось привыкать к холодным рекам, нагревающимся только к сере-

дине жаркого лета, да и то не настолько сильно, как родная бухта. А она не понимала раньше своего отца, скучающего по родине, в честь которой назвал единственную дочь! Провинция Киликия находилась ещё южнее, чем Константинополь, там было ещё жарче, ещё солнечнее, но, вынужденный перебраться в столицу Византийской империи по многим причинам – из-за своих торговых дел и из-за того, что в пограничной провинции часто присутствовала угроза вторжения врагов – мужчина не забыл знойных просторов между морем и горами, казавшихся всё краше и счастливее, чем дальше в прошлое уходили воспоминания. Теперь вот и дочь его, Киликия, с приятной тоской вспомнила о золотистом побережье у бирюзовых волн, о всегда тёплом белом мраморе балюстрад, на которых можно было посидеть в тени платана. Но не променяла бы она на это всё Святослава и их семью, дай ей ещё сто шансов для того, чтобы поступить иначе – она не поступит, потому что морозы Гардарики, снега и холодные купания даже летом стоили горячей любви её мужа, самого сильного и умного мужчины в её глазах, самого красивого и желанного в глазах многих женщин.³⁸

Выйдя из реки, Киликия обмыла ноги и обулась, после чего отступила в кусты, чтобы там немного обсохнуть и отжать чёрные локоны. Потом натянула рубашку, уже тщательно убрала свои тяжёлые волосы под платок, и пошла назад. Заглянув по пути в стряпную избу, где начали печь хлеб, она отлила из подойника в крынку молока, взяла её в одну руку, в другую кувшин с колодезной водой, и пошла к своему князю. Святослав, немного сменив положение, но не позу, всё ещё спал. Вылив воду в умывальник, Киликия поставила крынку рядом с кроватью и забралась на неё, принявшись будить мужа:³⁹

– Возлюбленный мой, не пора ли уже начать день? – потолкав его несильно, она поцеловала мужчину в губы. Слыша голос жены, он зашевелился, не подскакивая резко, как с ним бывало, если будил его сторонний звук. Бывавший в военных походах, он сохранил привычку подниматься сразу и действовать, но если рядом шептала приятные слова Киликия, то он не торопился. – Вы с братьями собирались сегодня на охоту, уж не на ночных ли филинов, если ты всё ещё спишь?

– Я просыпаюсь, – не открывая глаз, проговорил он. – Солнце взошло?

– Вот-вот взойдёт. Когда я вернулась, Всеволод с Настей уже пошли в церковь.

Святослав распахнул веки и, зная по звучанию голоса жены, где она сидела, попал ей взглядом точно в глаза:

– Ты ходила на реку? – брови его нахмурились. Киликия спустила, войдя, платок с головы на плечи, и влажные волосы отвечали за неё.

– Да, как обычно.

– Пока здесь приезжие – не ходи больше.

– Почему? – удивилась она. Раньше, на Волыни, Святослав ходил с ней на реку и сам, теперь же делал это редко, дела и княжеские заботы выматывали его, заставляя спать дольше. Но он по крайней мере видел, что она всегда уходит подальше и ничего зазорного не делает.

– Мне так будет спокойнее, – ответил муж, приподнимаясь и садясь.

– Но в Киеве всегда есть приезжие, что же мне, как зимой, мыться в доме? Или, может, как многие здесь, раз в неделю, в бане? Это для меня дико...

– На других приезжих мне всё равно, они остаются в Подолье или Копыревом конце, а Всеслав со своими дружинниками, по праву происхождения, чувствует себя свободно и, кто его знает, куда сунется.

Киликия хотела продолжить спор, чтобы отстоять своё право плавать каждое утро, девичью привычку, сохранившуюся с непорочных лет и доставлявшую ей радость и блаженство.

³⁸ Почайна – ныне не существующая река, неизвестно точно чем бывшая Днепру, рукавом, притоком или старицей (отделившийся участок реки)

³⁹ Умывальником называли сосуд с носиком или двумя, подвешивавшийся на ремешках возле таза

Хотя бы пока лето на дворе – этой бесконечно долгой и ледяной зимой Гардарики и без того подобным не насладишься – но, предпочитающая без серьёзных поводов не пререкаться с мужем, княгиня перегнулась через него и подняла крынку, протянув ему:

– Я тебе молока принесла.

– Лика, ты выполнишь мою просьбу? – не дал себя сбить Святослав. – Достаточно того, что я увидел тебя девять лет назад в таком виде! Но я же и стал твоим мужем, чтобы быть первым и последним, единственным, кто увидел тебя без платья! Повторно это недопустимо!

– Но я же всегда убеждаюсь с тех пор, что вокруг никого! – признала она, что не собиралась следовать наказу.

– Лика, – устало и строже повторил князь. Без каких-либо дополнительных уговоров. Он произнёс только её имя, стараясь быть грозным, какими были многие мужья для своих жён. Но Святослав всё равно понимал, что не сумеет быть достаточно твёрдым, если Киликия заартачится.

– Ладно, – всё-таки неохотно сдалась она. Улыбнувшись, он взял у неё молоко.

Женщины провожали мужчин на охоту от конюшен до Софийских ворот. Дальше шла часть города, считавшаяся новой, которую обнёс стеной и расстроил Ярослав, жили тут в основе своей бояре, а не княжий род. Если не считать Брячиславова двора, где остановился Всеслав со своими людьми. Из-за него-то в первую очередь Святославу и не хотелось провожатых дальше первых ворот. Киликия поняла, что муж всё-таки не оставил незамеченным её разговор с его племянником, и теперь руководствовался скрывшейся где-то глубоко ревностью. Показать её он, конечно же, не смел, и сделал бы всё возможное, чтобы никто не узнал об этом его чувстве, но иметь подобные секреты от любимой жены было сложно. Она, к счастью, не собиралась показывать, что обладает наблюдательностью, и держала при себе то, что открывалось её сердцу.

– Тятя, я тоже на охоту хочу! – посмотрел на отца его первенец, Глеб, снизу вверх. Святослав уже сидел в седле, взвешивая в руке копьё с загнутыми наконечниками, чтобы зверь с него не сорвался.⁴⁰

– Подожди ещё пару годков, возьму с собой в Чернигове. Не хочешь же ты тут, при всех, если что пойдёт не так, показать себя неумёхой?

– Не хочу, – признал Глеб, повесив нос и поняв, что два года – это очень-очень много, и ждать ему ещё долго-долго. Киликия придерживала второго сына возле себя, чтобы он не оказался под копытами лошадей.

– Береги себя, любезный князь, – посмотрела она в лицо мужу. Тот принял кивком её заботу, глазами пообещав не геройствовать без повода.

Вячеслав, в отличие от него, не так уверенно держался в седле, выпив с вечера лишнего, но на уговоры братьев остаться дома отмахивался.

– Это что же за князь, который из-за лёгкого бражничанья от охоты откажется? – конь под ним нетерпеливо фыркал. Если бы попросила Ода, он бы ещё подумал, тогда бы было ради чего остаться – побыть с нею. Но Вячеслав не был слепцом, и порою замечал, что жене с ним рядом не любо, не отвечает она на его, как он считал, любезные речи, на его обходительность, сжимается только, утыкается в молитвы. Чего не хватает ей? Не нравится кроткий и нетребовательный муж? Может, удачного охотника и воина бы полюбила? Да где же набрать подвигов? Бегая за кабанами да оленями? Игорь пошутил рядом:

– Ты бы хоть волчью шкуру с себя снял, а то попутаем, за тобой гоняться начнём.

– Это мой трофей, – гордо вздёрнул подбородок Вячеслав, – часто ли у нас полоцкие путники бывают, чтоб расстаться с вещью одного из них?

⁴⁰ Именно так на Руси обращались к отцам, «папа» – позднее заимствование из германо-романских языков

– Велика ценность, – поморщился Всеволод, – я бы на твоём месте сжёг эту языческую дрянь.

– Поосторожнее со словами, – предупредил его Святослав, – не скажи такого при гостях.

– Да я же понимаю... – извиняясь за несдержанность, притих он.

Великая княгиня тоже вышла с другими женщинами, хотя Изяслав, в отличие от братьев, на охоту так и не собрался. Перебрав лишнего, он снова заночевал у Коснячки со своей ненаглядной Ладой. Все натужно делали вид, что великий князь плохо себя чувствует и поэтому о нём лучше и не говорить. Игорь поднял глаза к окнам одной из горниц, и увидел спешно отстранившуюся невесту свою, Елену. Как и он, она не упускала случая, чтобы разглядеть наречённого, но откровенно делать это было некрасиво. Младший Ярославич приосанился, разулыбавшись. Когда же, когда эта свадьба? Скорее бы! Сегодня он должен поймать самого большого зверя, чтобы доказать Елене свою удаль.

Наездники пустились вперёд. У Золотых ворот, ведущих на юг, уже ждали полоцкие всадники во главе со своим князем. Всеслав поприветствовал своих дядей и, пропустив их вперёд, присоединился к выезду. Охота началась.

Столетние дубы в Зверинце таинственно теснились, охраняя раскинувшиеся за ним на берегу Днепра Выдубичи, одну из княжеских резиденций. Тропы между ними, утопая в густом папоротнике и орешнике, прятали лесных обитателей. Но когда начиналась охота, от шума и топота нескольких десятков копыт всё оживало, поднималось, подскакивало и взлетало. Сюда не приезжали пострелять птицу, сюда навевались за чем покрепче. Сломя голову, князья с дружинниками проносились под раскидистыми кронами, перепрыгивая через валежник, настигали лис, кабанов, лосей, волков. Сегодня целью у каждого тоже был какой-нибудь увесистый зверь. С копьями, прилаженными к сёдлам, с луком и стрелами за спиной, Святослав первым вторгся в зелёное царство Зверинца. За ним по пятам шли Всеволод и Всеслав, но когда лес поглотил охотников, они разъехались в стороны. Святослав остался со своими ближайшими дружинниками, приехавшими с ним ещё с Волыни, Перенегом и Аловом. Один был из Владимiroва града, другой – варяжский наёмник, с византийских походов вошедший в дружину русичей, он был постарше Святослава, но от того не меньше уважал его, ценил и выказывал преданность.⁴¹

Где-то хрустнула ветка. Мужчины тотчас среагировали и повернули туда головы. Опытные глаза различали движение в трепещущей под лёгким ветром листве.

– Чую, олень там, – вытянул руку Алов в юго-западном направлении.

– Что нам олень? Не затравить ли кабана? – с азартом поинтересовался Перенег.

– Берём первое, что придёт, – решил Святослав, – олень так олень, кабан так кабан.

– Что ж, тогда посмотрим, кто там шумел, – покорился волюнянин, и они втроём подстегнули коней туда, куда указывала рука Алова.

Однако обнаруженный молодой оленёнок так ловко маневрировал между стволов деревьев, заводя в чащу и прогалины, что Святослав махнул на него рукой, пожалев юную жизнь. Он развернул коня и, проехав не так много, напал на кабаньих след. Значит, судьба ему была сегодня взять опасного соперника. Хоть и знал, что Киликия разволнуется от того, что он взялся за что посложнее, князь махнул своим спутникам, и они помчались за добычей. В скачке всё сильнее кипела собственная кровь, но пустить её хотелось животному. Посмеиваясь и перекиваясь, трое мужчин готовились выхватить копыта, ножи, и прикончить редко когда сразу сдающегося кабана. Наконец, он мелькнул на горизонте. Святослав, предвкушая победу, чувствовал её запах. Он никогда не останавливался на половине пути, всегда шёл до конца и добивался того, чего хотел.

Они с Аловом убыстрились.

⁴¹ Основанного князем Владимиром города Владимир-Волынский

– Давай справа! – проорал князь. Разъехавшись, они зашли с обоих боков зверя и, когда он, несясь меж ними, оказался в пределах досягаемости, варяг метнул своё копьё. Оно попало в бедро кабана, однако тот лишь прибавил скорости и с диким визгом устремился дальше, словно не видя преград. Святослав подхлестнул коня.

– Князь, осторожнее! – предупредил его сзади Перенег, видя, что на таком ходу недолго найти свою смерть. Но Ярославич уже не слышал. Догоняя кабана, он сконцентрировался, метаясь и, крепче ухватив копьё, стал ровняться с животным. То было матёрым и грузным, и могло от страха и боли бежать, пока не истечёт кровью. Чтобы догнать его потом, потребовалось бы загнать коня. Святославу этого не хотелось. Максимально приблизившись к зверю, он изготовился к прыжку и, под охи ужаса своих дружинников за спиной, втыкая копьё в загривок кабану, прыгнул на него сверху, не давая тому шансов бежать дальше.

– Князь! Конунг! – раздалось позади. Но Святослав уже напрягал все силы, чтобы обуздать и остановить забившееся животное. Удерживая с помощью копья от себя на безопасном расстоянии морду с клыками, он кое-как достал из-за пояса нож и, не дожидаясь подмоги, на мгновение отпустил копьё, успел перехватить этого секача, и перерезал ему горло. Кровь потекла по кистям его рук, взбугрившихся от натуги возле плеч. – Ты так не шути больше, князь, – хмыкнул Перенег, подъехав.

– Разве же тут до шуток было? – спросил Святослав с довольной улыбкой от уха до уха. В этот момент где-то в отдалении раздался мужской крик. Ярославич с тревогой обернулся: – Что это?!

– Как бы не случилось что... – сказал Алов.

– Быстрее, нужно узнать! – забыв о своей добыче, Святослав поторопился вернуться в седло.

Когда они подъехали туда, где раздался крик, гриди сооружали из стволов тонких берёз носилки. На земле, морщась и пытаясь не стонать, лежал Вячеслав. Почти одновременно со Святославом, с другой стороны, подъехал Всеслав Брячиславович со своими людьми, разве что на секунду раньше, поэтому успел задать вопрос первым:

– Что случилось?

– Да вот, конь меня... – недовольно, стыдясь своего положения, указал на строптивного жеребца Вячеслав. Потом он кивнул на свою ногу: – Кажется, повредил её.

– У него перелом, – поднявшись с корточек, сказал Игорь. Охотившийся ближе всех к брату, он примчался раньше других. – Сам ехать он не сможет, поэтому я велел мастерить носилки.

– Как же так вышло? – спешившись, подошёл к пострадавшему Святослав.

– Да бог его знает! Я нёсся к оленю, когда прямо под копыта выскочил волк! Конь, ясно, испугался, вот и встал на дыбы.

– Да с чего бы волку бежать тебе навстречу? – хмыкнул недоверчиво Игорь. – Тебе с утра ещё сказали, что у тебя голова кругом, надо было дома оставаться! Вон, плащ твой новый небось с плеч упал перед конём, тот и опешил.

– Нет же, мне волк дорогу закрыл! – настаивал Вячеслав. Святослав отвлёкся от препирательств младших братьев, поглядев на конструируемую лежанку. Он тоже видел, что с утра у Вячи, как они называли его в детстве, хмель ещё с глаз не сошёл. Надо было велеть ему оставаться в хоромаш! Потом взгляд Святослава покосился на полоцких людей в волчьих плащах. Недобрая, нехорошая мысль завертелась в голове, хотя завершить он её никак не мог. Волки тут водились и без приезжих.

Последним подоспел Всеволод. Со своим человеком, Никифором, они застрелили большого, красивого оленя. Стрелы из него были уже вытащены, а сама туша везлась важно, горделиво.

– Что стряслось? – видимо, ускокавший дальше других, он долго и возвращался.

– Ничего. Просто конец охоты, – развёл руками Святослав. По мрачным лицам и отсутствию шумного обсуждения свершений, Всеволод заподозрил неладное. Взор его, наконец, упал на Вячеслава. Тогда всё стало ясно.

Некоторые всадники вернулись чуть раньше, чем везущие на лежанке Вячеслава, поэтому весть о случившемся достигла всех до того, как появился сам виновник беспокойства. Ода, хоть и не любившая мужа, не могла не ужаснуться тому, что приключилось и, наспех приведя себя в порядок, сунув нарочитой девушке сына, выбежала навстречу постепенно возвращающимся. Она успела миновать Софийские ворота, когда через Золотые ввезли Вячеслава. Выпивший от боли браги, с замотанной не сгибающейся ногой, он беседовал с медленно едущим рядом Всеславом Брячиславовичем. Тот усердно извинялся, что плащ одного из его людей мог послужить причиной этого плачевного происшествия, однако юный Ярославич заверял, что это не при чём, и просил поверить, что виноват лесной волк и никто кроме него. Ода, встречая претерпевшего мужа, подошла к нему, несомому княжескими людьми.

– Как вы, *meinен конунг*? ⁴²

– Ничего, ничего, – успокоил её Вячеслав, – на охоте всякое бывает.

– Ващ брат, Всеволод, звал лекарь. Они ждут, – пошла она возле него, несмело бросив взгляд на Всеслава Полоцкого. Тот, прощаясь перед Софийскими воротами, за которые имел право въехать, как Рюрикович, но не имел такового разрешения, улыбнулся Оде улыбкой оказавшего услугу и просящего принять выполненный заказ в готовом виде. Её пробрала дрожь до самых костей. Отвернувшись поскорее от чёрных глаз, она вспомнила их ночной разговор, а потом посмотрела на сломанную ногу мужа. Да, теперь он долго не сможет приходить к ней, и терпеть ей будет нечего. Воистину, как страшны исполняющиеся желания!

⁴² Мой (нем. яз.)

Глава седьмая. «Язычники»

Вячеслава осмотрел лекарь, приехавший некогда из Византии с принцессой Анастасией. С тех пор, как Владимир крестил Киев и Новгород, ведуньи и целители были разогнаны, в первую очередь потому, что среди них оказывались самые преданные и непокорные язычники, а некрещеным совершать какие-то обряды над людьми больше не давали. И если бабок-повитух вынужденно оставляли в покое, закрывая на них глаза, то при каких других хворях обращаться приходилось к пришлым: грекам, армянам да жидам, своей-то, разрешённой медицины ещё не изобрели, а народную – поганую, уже запретили. Впрочем, иноверцы-жиды были для многих христиан не многим лучше идолопоклонников.⁴³

Сначала всё было в порядке, и Вячеслав даже заснул, забыв о боли, но к утру она возвратилась, превращаясь в неотступное нытьё в ноге, воспалившейся и покрасневшей, да к тому же у него появился жар, его лихорадило, лоб горел. Врача позвали снова. Придя, он осмотрел перелом и резюмировал, что он «объят огнём нездоровья». Дав тот же самый настой, что и накануне, лекарь попросил принести для питья побольше святой воды и порекомендовал всем молиться, потому что молитвы исцеляют. Но ни одно из этих действий Вячеславу облегчения не принесло. К вечеру его трясло в ознобе, пот катился градом по лицу. Ода, не знающая, чем помочь и что делать, с трудом не рыдала, и только протирала холодной влажной тряпицей горячую, в испарине, голову супруга, передавая заботы о сыне Борисе ближним девицам.

Ярославичи собирались через каждые два-три часа у постели брата, тревожась и боясь за его судьбу. Ни у кого не было представления о том, как спасти жизнь Вячеслава, а она явно была в опасности. Самой поздней ночью разошедшись, чтобы поспать, мужчины всё равно не погрузились в сон, неустанно думая о последствиях охоты. Даже Изяслав вернулся в великокняжеский терем, чтобы в случае чего быть тут как тут. Но в светлицу он ушёл отдельную от жены, потому что та усердно молилась о выздоровлении Вячеслава, и раздражала этим мужа.

– Святая вода – это не лекарство, – сказала Киликия, не гасившая свечу, потому что Святослав лежал с открытыми глазами, глядя в потолок, но не видя его.

– И что ты предлагаешь?

– А что я могу? Я не лекарь. Но и этот человек – тоже!

– Всеволод не одобрит такие слова. «Этот человек» пользовался доверием отца и помогал ему последние годы, а тот сильно мучился с ногами, опыт-то теперь должен быть, поди, богатый! Да и вообще, отец доверял людям, приехавшим с Анастасией.

– У вас здесь слишком хорошее представление о нашей с ней родине, – вздохнула Киликия, – даже наш город вы называете Царьградом! Но я родилась там и жила, и нет там ничего особенного, и люди там точно такие же, как здесь. Так же совершают ошибки, так же могут плохо что-то знать.

– Если там не ведают ничего о хворях, то где ведают? – скосил на неё глаза Святослав.

– Да хоть бы бабку Малеву с Волыни привезти, что у меня детей принимала...

– Пока за ней доедут, с Вячеславом что угодно стрясётся.

– Ты прав, – признала Киликия. Но надо будет послать за знахаркой хотя бы для себя, чтобы перебралась в Чернигов, куда им скоро ехать обживаться. Кто знает, есть ли там умелые в подобных делах люди? Замечая, как кручинится муж, она решила переключить на другое его внимание: – Видела я утром твоего вепря в сених.

– Какого вепря? – сначала действительно, слишком углубившись в думы о брате, не понял Святослав, а через мгновение, поняв, не стал сменять недоумение на лице признанием. – О чём ты?

⁴³ Жид не было ругательством, так называли евреев в Древней Руси

– Да брось, я знаю, что это твоих рук дело.

– Кто проболтался? Перенег или Алов? – Он попал в точку, но женщина не стала выдавать, как слышала слова волянянина, дразнившего Глебку отцовскими талантами охотника, а только вздохнула:

– Ты обещал собой не рисковать.

– Разве обещал? – повёл густой тёмно-русой бровью Святослав, и без того замученный проблемой с Вячеславом, чтобы признать ещё и свою вину – в азарте охоты и погони забыл всё на свете, так хотелось зверя победить, поймать, заполучить! Это было словно битва, нельзя давать разуму овладевать чувствами, тогда уйдёт из рук сила, из тела мощь. Нужно отпускать все мысли из головы и бросаться в самую гущу!

– Да.

– Я не говорил «обещаю», – опять отвернулся к потолку Святослав.

– Ты кивнул.

– Я кивнул своим мыслям.

– Не играй со мной в эти игры, – хмыкнув, Киликия расплела до конца косу и, распушив волосы по плечам, задула свечу, – и я умею слова с делом налево и направо разводить.

– И как же ты это сделаешь?

– Скажу, что иду за оладьями, а принесу блинов, – отшутилась она. Святослав сумел улыбнуться впервые за тревожные часы последнего дня.

– Пошлю я завтра к армянам, вот что, – решил он, хотя и знал, что это вызовет толки, возникавшие не впервые. Из-за экзотического имени его жену к кому только не причисляли, а сменить имя на другое, крестильное, она не захотела, в этом одержав одну из многих побед над Святославом и киевскими устоями. Она была Киликией, как назвал её отец, она была крещена в той же вере, что и все они, ещё в детстве, потому и менять что-то теперь не было повода, а для неё – смысла. Святослав в данном случае был на её стороне. Обратись он завтра к жидам, Киликию бы назвали жидовкой, его жену вечно пытались уколоть из-за чего-либо, не любя её открытого нрава, не любя её свободных привычек, не любя того, что так сильно любил её князь. Сам он считал, что дело в её чужеземности и низком происхождении (помимо того, что вела себя Киликия действительно не всегда «по уставу»): у всех Ярославичей жёны были королевские, императорские, графские дочери, а он выторговал и забрал свою у богатого византийского торговца. Мог ли он догадываться, что нелюбовь к Киликии рождена не презрением, а завистью? Конечно же, нет. Всю жизнь на боевом посту, в походах и боевых тренировках, Святослав был насквозь мужчиной, слишком мужчиной, представления не имеющим, до чего черны бывают женские сердца, не способные порадоваться за другую, и чем сильнее любил он Киликию, чем счастливее была их жизнь, тем больше и громче раздавались голоса боярынь, спешивших заметить у гречанки недостатки, недочёты, недоделки. Когда он только привёз её, в хоромашах шептались, что она ведьма – одурманила княжича, когда родила одного за другим первых трёх сыновей, начали сочинять, что она чародейка, обращающаяся кошкой, и как кошка поэтому плодovита. Потом, уже на Воляни, окольно и слухами до князя доносили, что недостойную себе супружницу подобрал, наверное, приплатил её отец много, чтобы к княжескому роду прислониться? Объяснять, что платил он, Святослав, и что русинов в Царьграде приравнивают к дикарям и простолюдинам, было бесполезно. Нарочитые боярыни из окружения покойной великой княгини Ирины не могли простить, что их боярские дочери оказались негодными там, где подошла «девка из семьи торгаша». Доходило до того, что отцу Киликии выдумывали новую биографию, утверждая, что разжился он не честным трудом, а разбоем, и ограбил он немало людей, чтобы пригреться в Царьграде. «Будто предки наши ходили на Царьград

не для того, чтобы его разграбить! Эдак и я лихих татей правнук» – в ответ на это думал Святослав, стараясь всегда сплетни пропускать мимо ушей.^{44 45 46}

Распорядившись утром, как задумал, он пошёл прямиком в горницу к Вячеславу, справиться, как его самочувствие. Не спавшая ночь Ода сидела возле него и держала за руку. Когда она увидела, кто вошёл, то вся сжалась, боясь такого близкого присутствия Святослава. Она считала себя виноватой в произошедшем, ей казалось, что именно её грешные желания разгневали Бога и тот обрушил наказание на Вячеслава. Хотя бы не было того дня, когда увидела она деверя, забыть бы его и не видеть никогда больше! Как она хотела ещё два дня назад вечно смотреть на него, слышать голос его, но вот он стоит в метре, и хочется бежать, скрыться, провалиться под землю. Стыд, будто о её мыслях знал весь свет, жёг щёки, Ода ненавидела ту робость, что рождалась в ней при Святославе, пугалась того сладко-щемящего чувства, заставляющего закрывать глаза и мечтать, будто картинки эти станут очевидными и другим. Но как крепко не хваталась она за руку Вячеслава, к нему ей не хотелось упасть на грудь, чтобы быть пойманной в сильные объятия.

– Здравствуй, княгиня, – поклонился ей Святослав.

– Здравствуй, – тихо пробормотала она, не поднимая глаз.

Старший брат подошёл к ложу младшего.

– Ну, как ты? – Хотя без ответа было видно, что Вячеслав плох, и за ночь ничего не поменялось.

– Нога... горит огнём, Свят, – сжимая зубы и морщась, сказал парень. В глазах его полыхал страх, и Святослав знал, о чём этот взор кричит. Он приподнял покрывало и, сдвинув повязку, оглядел место перелома. Припухло и багровело, но ещё, к счастью, не приобрело тот цвет, какой он видел в походах у раненых воинов. Когда раны темнели той гадкой и зудящей синью, ноги и руки уже следовало обрубить, только это порой и спасало жизнь. Но не всегда. – Она же не сгниёт, Свят? Не сгниёт? – дрожа голосом, взмолился Вячеслав, дотянувшись до ладони брата и сжав её.

– Не о ней беспокойся, а о жизни!

– Не хочу калекой жить! – нервно повысил тот тон, разве что не провизжав окончание. Он хотел покрасоваться перед молодой женой, показать ловкость и удачливость, а с чем останется? С обрубок? Вячеслав и сам приближался к плачу похлеще, чем Ода. Ему и сорваться на неё хотелось, что из-за неё всё, и в то же время, теперь-то она была с ним, так неподдельно пеклась о нём, заботилась, горевала, что в душе всё уравнивалось, и казалось, что болезнь эта послужит началом чего-то хорошего, нового. Окинул взглядом Оду и Святослав, подумав, что зря принимали все её за холодную и бессердечную девушку, видно, скромна она была и в строгости воспитана, не умела показывать чувств, а вот же, стряслась беда, и как хлопочет над супругом! Как неустанно поддерживает его, облегчает его участь!

– Отец полжизни хромал, – напомнил он, – и не стал оттого хуже.

– Ты прав, конечно, прав, – постарался взять себя в руки младший.

– Я позвал к тебе ещё одного лекаря, он скоро придёт, не горюй, – улыбнулся Святослав брату и вышел. В дверях сеней столкнулся с Всеволодом, шедшим в сопровождении византийского врача. – Я для совета отправил за ещё одним лекарем, – посчитал он нужным предупредить, и тотчас заметил надменное недовольство в раздувшихся ноздрях грека.

– О чём советовать? – недопонял Всеволод.

⁴⁴ Исторический факт, что самый первый врач, известный в Древних Руси и Киеве, во второй половине XI в. конкурировал с армянским врачом; учитывая, что Армения – более древнее государство (а Ереван старше Рима), автор описывает армян как знатоков во многих ремёслах, что, скорее всего, было правдой.

⁴⁵ Провинция Киликия (ныне территория Турции) была исторически населена в основном армянами, между господством над ней Рима, персов и Византии она даже входила в состав Великой Армении.

⁴⁶ Тать – вор

– О методах лечения, само собой.

– Неужели ты думаешь, что есть в Киеве кто-то опытнее великокняжеского врача...

– Я ничего не думаю, я только вижу, что брат наш мучается, и хочу найти средство избавления его от мук.

– Ему не полегчало? – сменил предвзятость на озабоченность третий по старшинству Ярославич. Любимец матери, взрощенный в крайне христианском духе, он иногда чересчур поддавался влиянию окружения своей супруги. Сама Анастасия была хорошей девушкой, но точно так же, как и Всеволод, часто шла на поводу у своей греческой свиты.

– Нет, и я боюсь, что может стать хуже, – одновременно Святослав увидел открывающийся рот греческого врача и идущего через двор, в сопровождении Алова и гридя, врача армянского. Решив не слушать никакие доводы, он двинулся навстречу тому, кого звал: – А! Вот и славно. Добрый лекарь, если ты окажешься спасителем нашего брата, я злата не пожалею... – Святослав хотел проводить того до самого Вячеслава, но вдруг из сеней выбежал Игорь, подошёл к нему и, понизив голос, сказал на ухо:

– Тебя Из к себе зовёт.

– Что-то срочное?

– Он сказал очень важное. К нему гонцы приезжали.

– Я видел каких-то людей, ещё удивился, что Из сподобился принимать кого-то так рано. Али не спал совсем? Так, откуда эти гонцы?

– С Верхов, из Новгорода.⁴⁷

– Иду не медля! – Святослав обратился к Алову: – Проводи лекаря до Вячи, – приблизившись впритык, распорядился откровеннее: – Проследи, чтобы ему дали осмотреть его и не мешали!

Пройдя по сеням до повалуши, поднявшись по каменной лестнице, он вошёл к Изяславу, сидевшему с бессменным Коснячкой. Они что-то обсуждали. Завидев Святослава, великий князь приподнялся, оживляясь:

– Свят! Иди сюда скорее.

– Случилось что?

– Нет, но может! Садись, – Изяслав указал на высокий стул возле себя. Без особого одобрения взглянув на присутствующего боярина, но ничего не сказав, Святослав сел. На столе опять лежала карта земель, которую приносили они тогда на собранный после смерти отца совет. – У нас возникла некоторая проблема.

– В Новгороде? – угадал Святослав.

– Да. Родич наш, Остромир, оказывается, намеревался внуку свою женить на Ростиславе, выставленном нами оттуда братаниче...⁴⁸

– Мы не выставили его, – поправил Святослав, – а дали ему другой удел. Со всеобщего одобрения.

– Да-да, это ясно! – торопливо помахал рукой Изяслав. – Но суть в том, что ему, как посаднику, был люб предыдущий претендент на новгородское княжение, и теперь он пишет мне, – старший Ярославич поднял со стола берестяную грамоту и потряс ею в воздухе, – что не позволит самостоятельно княжить Мстиславу, если мы как-то не решим дело иначе...

– Сам пишет? – уточнил Святослав.

– Сам, сам!

⁴⁷ Верхов, Верхними землями называли в Киевском, Черниговском и Переяславском княжествах всё, что было от них вверх по Днепру и дальше, соответственно, на севере Черниговское, Киевское и Переяславское княжество называли Низом, Нижними землями.

⁴⁸ Остромир – реальное историческое лицо, новгородский посадник. Дедом Остромира был Добрыня, приходившийся по матери дядькой Владимиру Крестителю, таким образом он троюродный брат Ярослава Мудрого.

– Уже добрый знак! Значит, хочет договориться! Ну, и как же он хочет исправить дело? Внучку выдать за Мстислава теперь, чтобы она в будущем стала великой княгиней?

– Либо так, – подтвердил Изяслав, – либо Ростиславу дать земель побольше...

– Очевидно, что мы выберем первое.

– Трудно. Девчонке уже шестнадцать, они с Ростиславом в обоюдной симпатии, ждали свадьбу... Верно ведь мы говорили после похорон отца, да? Что парень уже взрослый, небось, жену себе подбирает. А оно вон как! Подобрал!

– Но земли давать в придачу никак нельзя, – Святослав пододвинул к себе карту и провёл пальцем по извилистым линиям рек, – Ростов, который мы ему дали, владеет частью Волжского пути, сам по себе он ничего не значит без возможности движения дальше, Новгород – основной наш порт для торговли и связей со странами полуночными, посередине Торжок, там главный волок из Волги дальше, к Варяжскому морю. Им и этого уже будет достаточно, если они объединятся, чтобы прекратить ходить по Днепру и отсоединиться от нас. Ущерба нам от этого будет тьма...⁴⁹

– Что ж тогда, и Ростов отобрать у него? – поинтересовался Изяслав.

– Нельзя так. Обозлятся, ещё начнут усобицу!

– А ну пусть попробуют! – неведомо на каких основаниях чувствую за собой силу немыслимую, великий князь сжал властный кулак. – Может, Остромира прогнать с посадничества?

– Да ты что? Как же это? – ахнул Святослав.

– Дед наш Владимир его деда Добрыню посадником сделал, значит, мы можем это отменить...

– Уймись, Из, – постарался остановить его младший брат, – зато его отец, Константин, поддержал нашего, когда он с братьями сражался, не дал ему после проигранной битвы уплыть за море, считай, толкнул его на киевский престол. Род их уважают и любят, и все там знают, что мы им обязаны, проявить неблагодарность – вызвать на себя гнев остальных.

⁴⁹ В Древности не было севера и юга, направления назывались полуночное и полуденное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.